

От ненависти *До любви*

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ

Алла Полянская

Прогулки по чужим ночам

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6447923

Алла Полянская. Прогулки по чужим ночам: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68354-3

Аннотация

Лиза с детства привыкла сама решать свои проблемы – годы в детдоме закалили ее характер как сталь. Но когда из багажника проезжающей мимо машины прямо к ее ногам выпал связанный окровавленный мужчина, она растерялась. Сначала девушка хотела пройти мимо, но потом все же вернулась и... отвела его к себе домой. Она, конечно, понимала, что это очень опасно, ведь парня по имени Андрей явно ищут. А вскоре погиб сосед-алкоголик, нацепивший выброшенный Лизой костюм Андрея, – его застрелил профессионал. Конечно, она не поверила в случайность такого совпадения! Во что же Лиза ввязалась и как ей теперь поступить с этим парнем, который не может самостоятельно покинуть ее квартиру? И почему ей упорно кажется – он неспроста попросил о помощи именно ее?..

Содержание

1	4
2	23
3	45
4	59
5	76
6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Алла Полянская

Прогулки по чужим ночам

*Если неприятность может произойти, она
обязательно случится.*

Закон Мерфи

1

У каждого человека есть нечто, что он ненавидит с особой страстью. Кто-то терпеть не может перловку, у кого-то от одной мысли о соседской шавке сводит челюсти, а кто-то мысленно изобретает страшные пытки для свекрови – и все это ведет к самосовершенствованию. Нечто подобное испытывает каждый человек. Нет идеальных людей, кроме святых, да и те повывелись. Хотя это и хорошо, похоже, им больше нет места на земле, а у любого чувства должен быть свой ареал, даже у ненависти.

Я, например, ненавижу зиму. Каждой клеточкой своего тела я одинаково ненавижу пижонский блеск снега под ярким холодным небом и благостный рождественский снегопад, превращающий город в сладенькую праздничную открытку, на которой остается только написать дежурные пожелания счастья-здоровья-денег – и выбросить. Я ненавижу зиму, у меня есть причины ее ненавидеть. А потому уже где-

то в сентябре в мою душу вползает раздражение – лето прошло, до весны далеко, а зима уже вот, на носу. И ничего нельзя изменить.

Может, если бы у меня были деньги, я кочевала бы по свету вслед за летом или весной, а то и вовсе поселилась бы там, где нет такой дряни, как зима или осень. Собственно, осень – это еще куда ни шло, счастья не прибавляет, но мы с ней поддерживаем вооруженный нейтралитет. А иногда, например сегодня, вообще находимся в состоянии временного перемирия. Потому что когда в октябре начинают жечь листья, а на улице тихо и синий вечер уже поглядывает серебряным лунным ликом, бледным и заспанным, когда солнце еще здесь – я люблю бродить вечером в тумане и запахе дыма. Говорят, дым от горящих листьев ужасно вреден, но я люблю этот запах в сыром октябрьском воздухе. Тогда я иду куда глаза глядят, и мне почти хорошо. Жизнь сама по себе вредна, так что лишний глоток дыма ничего не изменит, думаю я.

Мимо меня с хищным шелестом пролетают машины, но мне до них нет никакого дела. Мне и вовсе ни до кого и ни до чего нет дела. Ведь моими проблемами никто не интересуется! Ну вот, 0:0, ничья. Наверное, это в какой-то степени неплохо – вот так идти вдоль дороги, раз уж я оказалась в этом районе. Теперь я иду домой пешком и слушаю город, и машины мне не мешают, они тоже часть города, пусть утюжат асфальт, я не против.

Он подкатился к моим ногам, как заблудившийся мяч. Я даже не заметила, откуда он взялся – сначала даже показалось, что он рухнул прямо с неба, но эта теория скончалась в тот момент, когда я заметила, что он связан, его рот кто-то тщательно заклеил скотчем, а лица и вовсе нет – кровь и сплошной синяк. Я понимаю, что в небесной канцелярии ни с кем не церемонятся, но не до такой же степени! По крайней мере, я так думаю, хотя вполне возможно, что ошибаюсь. В данном случае этот тип, скорее всего, выпал из машины. Интересно, как ему это удалось?

Я присела рядом с ним на корточки. Я совершенно не собираюсь ему помогать, мне такая глупость и в голову не пришла. Да, у него явно есть проблемы, но каждый сам кузнец своего несчастья. Мои проблемы никто не бросается решать, почему же меня должны волновать чужие? Нелогично. Я остановилась возле него, потому что он мешает мне пройти, а любопытство заставило меня присесть рядом с ним и присмотреться.

Его одежда точно не с рынка, уж кое-что и я понимаю в этом. Дорогие шмотки непоправимо испорчены, к тому же он босой и на нем в прямом смысле слова лица нет. Только полоска скотча на сине-лиловом опухшем фоне – не слишком в тон, но это мелочи. Ладно, пора двигаться дальше, уже темнеет.

Я поднимаюсь и переступаю через парня. Здесь очень узкий тротуар. Улица застроена какими-то складами и стары-

ми одноэтажными домами-бараками, половина из которых смотрит на меня пустыми глазницами окон без рам, остальные тоже недалеко от них ушли – квартал скоро снесут, наверное. Здесь пусто, но, думаю, кто-нибудь парня найдет – если ему повезет. Может быть, полиция, или какой-нибудь сознательный пенсионер, или просто добрый самаритянин... Но я не отношусь ни к одной из вышеперечисленных категорий и знаю, что именно произойдет вероятнее всего: пропажу быстро обнаружат и станут искать. И мне надо бежать от этого места как можно дальше.

Тихий стон не заставил меня оглянуться. Извини, парень, но я не хочу вляпаться в дерьмо, а, судя по твоему виду, ты в нем увяз по самую макушку. Мне хватает собственных проблем. Ну почему у меня нет кучи денег, я бы тогда просто уехала из этой дурацкой страны, где все изменения только к худшему, где граждане валяются на тротуарах связанные и избитые, а полиция и чинуши жиреют на взятках и грабежах? Конечно, я могу развязать его и потом уйти, а он пускай сам решает свои проблемы, ага. Отлично, это идея, и остатки моей совести не будут скулить по ночам по поводу того, что я бросила человека на произвол судьбы. Да, это компромисс. Я развяжу его.

– Ладно, не стони, я возвращаюсь, черт бы тебя побрал! – Я снова подхожу к нему. – И что, другого места, чтоб упасть, не нашлось? Мог бы вывалиться немного дальше, там полицейский участок, чтоб ты знал. Не мычи, все равно я не по-

нимаю... да, крепко тебя скрутили. Не дергайся, сейчас я маникюрные ножницы найду, по-моему, где-то они были у меня... ага, вот.

Я пытаюсь сделать все быстро, но ножницы маникюрные, а не портновские, да еще и китайские, так что дело движется медленно, но все же это лучше, чем вовсе без ничего. Ну вот, освободила ноги, теперь и руки.

– Полоску с лица отдирай сам.

Но он не может. Естественно, кто бы сомневался! У него восстанавливается кровообращение в конечностях, ему больно. Думаю, даже очень больно. Сквозь распухшие веки на меня умоляюще смотрят глаза – уже темно, он вряд ли сможет меня потом опознать, если что... Ладно, скотч я тоже сниму, пусть позовет на помощь. Один резкий рывок – и порядок.

– ... твою мать!

– Так ты еще и материшься?! Ну, ладно, счастливо оставаться. Вот, возьми телефонную карточку, позвонишь куда тебе нужно, там еще времени минут десять осталось. Адрес – вон, смотри, на доме табличка, телефонный автомат рядом. Надеюсь, он работает. Позвонишь, за тобой приедут и окончательно спасут. А мне пора.

Я готова пнуть себя, потому быстренько поднимаюсь. Я подумала об этом, но как-то вскользь, а зря. Ведь те, кто потерял этого парня, уже обнаружили пропажу и теперь едут назад в поисках утерянного груза. Думаю, скоро они будут

здесь, и тогда моя жизнь окончится сегодня, эти люди не оставят свидетеля, я бы точно не оставила.

– Пожалуйста, подождите! Я прошу вас... я совсем не могу подняться... – бормочет парень.

Черт бы тебя побрал! Нет, ни за что не вернусь, отлежится немного, оклемается... Сама не верю в это, но я ничего ему не должна.

– Еще минутку, прошу вас...

Я должна идти, бежать отсюда, иначе вляпаюсь в неприятную историю, и уж мне-то точно ни один человек не поможет.

– Что еще?

– Мне нужно где-нибудь побыть до утра, хоть несколько часов, – лепечет парень.

– Прости, но я не могу тебе помочь. Если хочешь, могу вызвать «Скорую» или полицию.

– Нет, я не... а вы? Вы где-то живете... мне только до утра, а потом я уйду...

– Нет.

– Я заплачу вам.

– Забудь об этом. Деньги для меня не дороже жизни.

– Но я даже пошевелиться не могу, а на улице холодно.

– Кровообращение скоро восстановится, до смерти ты не замерзнешь, шестнадцать градусов на улице, осень в этом году теплая. Ну, простынешь маленько, это не смертельно. Позвони домой, пускай за тобой кто-нибудь приедет. Не надо

впутывать меня в свои проблемы, я и так сделала для тебя больше, чем должна, ты заметил?

– Да, и я вам благодарен, но...

– Все, пока.

Я не успеваю пройти и пары шагов, как темноту прорезает свет фар. Машина далеко, но почему-то я понимаю, что это именно та машина. Понимает это и парень на тротуаре. Убежать я не успею, спрятаться негде, сплошной ряд стен и дорога.

Я хватаю парня и тащу его к телефону. Куда подевались уютно обоссанные телефонные будки? Теперь стоят синие пластиковые навесы, и все. Ну, что же, попробую воспользоваться тем, что есть. Я расстегиваю плащ – он длинный, почти до щиколоток.

– Обхвати меня за талию и прижмись, может, под плащом не заметят, – говорю найденному.

Я вставляю телефонную карточку и беру трубку. Машина совсем рядом, а мой подопечный сжал меня так, что дышать трудно.

– Радиотакси слушает.

Фары машины хищно и бесстыдно освещают меня. Что ж, умирают один раз. От судьбы не уйдешь.

– Пожалуйста, пришлите такси на угол Стефанова и Гончарова.

– Куда вам ехать?

Машина едет медленно, слишком медленно. Вот сейчас

они остановятся, выйдут, и тогда мне конец. Все-таки добрые дела – не мой профиль.

– К Дому одежды.

– Ждите, машина сейчас будет.

Свет фар отдаляется. Неужели выгорело?

– Эй, не сжимай меня так, мне больно.

– Думаешь, они вернуться?

– Не скоро.

Белая машина с красными буквами «Аргос-такси» вынырнула из тумана.

– Сделай вид, что ты пьян.

Ему для этого не нужны дополнительные усилия. Он молчит, и я тащу его в салон.

– Девушка, а ваш муж не будет блевать?

– Нет. Уже выbleвал все, что мог.

Таксист с пониманием кивает и двигается вперед. За окном мелькает ночь – фонари, витрины, реклама, чьи-то освещенные окна, за которыми чужая жизнь.

– Вот, Дом одежды.

– Пожалуйста, немного дальше, в сторону кегельбана.

– Как скажете.

Я расплачиваюсь с таксистом и тащу парня из машины. Тяжелый, черт! Он помогает мне как может, а потому мы все-таки продвигаемся вперед, к темному переулку, где притаились одноэтажные дореволюционные домики. В одном из них есть комната, в которой я живу. Правда, теперь это две

комнаты, три дня как две. А третья... Собственно, если выйдет так, как я задумала, то скоро я перееду в более приличное место. Годика так через два. Об этом сейчас не стоит думать, ибо единственное, что в этот момент имеет значение, – как-то дотащить своего найденыша домой, не нарвавшись на соседей.

– Где мы?

– Скоро будем на месте, молчи.

– Я вам так благодарен, вы...

– Я сказала тебе – молчи! Соседи услышат! Тут как в деревне, полно старых любопытных сук, везде сующих свой нос.

Я достаю ключи и открываю общую дверь. Запах пыли и лука не улучшает мне настроение. Терпеть не могу общий коридор, но ничего не поделаешь, коммуналка есть коммуналка, а потому я быстренько открываю дверь в свою квартиру и впахиваю парня в темноту, полную храпа и вони. Значит, Сашка уже дома и дрыхнет пьяный. Это хорошо.

– Кто здесь?

– Сашка, мой сосед. Хронический алкаш, но он уже налился до свинячьего визга и спит. Давай сюда.

Я открываю железную дверь в свою комнату и укладываю отяжелевшее тело на пол. Пусть полежит, в доме тепло. Я включаю свет, закрываю жалюзи, для верности задергиваю шторы и обессиленно падаю в кресло. Ноги и руки дрожат, хочется пить, а на полу лежит незнакомый грязный мужик

без лица и смотрит на меня сквозь щелочки распухших век, как собака на хозяина. Ну ладно, отдохну потом.

Я снимаю плащ и туфли, наклоняюсь к гостю. Здорово ему досталось – гематомы, ожоги, кровь...

– Потерпи немного, я вызову доктора.

– Не надо, это...

– Молчи, не то получишь еще. Недоставало только, чтоб ты тут доской накрылся. Что я буду делать с трупом? Собак я не держу...

– А при чем тут собаки?

– Если бы держала собак, проблема утилизации трупа не стояла бы столь остро. Я просто сэкономила бы на собачьих кормах.

– Я не...

– Молчи, – я набираю номер. – Вадик, ты дома? Немедленно езжай ко мне. Захвати йод и бинты.

Я кладу трубку и наклоняюсь к раненому. Надо его как-то раздеть, но можно ли его кантовать? Хотя я тянула его, он даже шел, но это мог быть просто шок... Ладно.

– Что вы делаете?!

– Собираюсь тебя изнасиловать.

Я снимаю с него пиджак и расстегиваю брюки, он пытается как-то пресечь мои действия, но силы неравные – по крайней мере в данный момент.

– Боже, какое целомудрие! Не бойся, больно не будет. Расслабься, – ухмыляюсь я.

– Вы издеваетесь?

– Именно. Издеваюсь. Потому что это ты лежишь на моем полу, а не я на твоём. Закон джунглей – право на территорию, слышал о таком?

Он молчит, и я стягиваю с него брюки. От рубашки остались одни лохмотья, а потому я с чистой совестью просто срезаю ее, отрывая прикипевшие к ранам куски ткани. Начинает течь кровь. Кто-то очень постарался, потом его одели и запихнули в машину.

– Тебя надо вымыть. Помоги мне, я сама не дотащу тебя до ванной.

Но его силы, похоже, иссякли, а потому я развожу в ведре раствор марганцовки и мою его. Он молодой, крепкого телосложения. Я осторожно смываю кровь с многочисленных порезов и ожогов, покрывающих его тело, на запястьях кровоточат следы от наручников. Холодная злоба поднимается во мне. Чтобы такое сотворить, надо быть последним ублюдком. Правда, их с каждым годом становится все больше.

Я смываю кровь с распухшего лица. Что ж, дружок, все это, к сожалению, не пошло на пользу твоей внешности. Не знаю, каким ты был, но теперь, наверное, станешь хуже.

В прихожей слышен звонок. Это Рыжий, очень вовремя.

– Ты меня напугала до икоты. Не называй меня по имени, тогда я начинаю думать, что ты при смерти. Летел низко над землей, нарушая все правила дорожного движения. – Рыжий осуждающе смотрит на меня. – А ты похожа на Лиззи Бор-

ден¹, которая пару часов подряд орудовала топором. Только погляди на себя: вся в крови, вспотела, запыхалась... А это еще что?! – он кивнул на тело на полу.

– Не знаю, – я плотно прикрываю дверь. – Но ты осмотри его, что с ним произошло?

– Ну, что с ним, видно даже невооруженным глазом. За что ты его так?

– Очень смешно.

– А то. – Рыжий улыбается. – Давай перенесем его на диван. Хорошо, что ты этого типа помыла, теперь прибери, а то похоже на пыточную.

– Ты прав.

Я тщательно смываю следы крови, снимаю свою одежду и вместе с тряпьем раненого бросаю все на пол ванной около стиральной машинки. Рыжий тем временем уже закончил осмотр.

– Ну что?

– Предварительный осмотр не выявил никаких серьезных повреждений. Сломаны два ребра, неглубокие резаные раны по всему телу, сотрясение мозга, незначительные ожоги и обширные гематомы. Сломан нос, и еще небольшой шок. Ничего такого, с чем бы мы не справились. Правда, неплохо бы сделать рентген, но это завтра, я буду дежурить в отделении и все устрою. Где ты его нашла?

¹ Лиззи Борден – учительница, в конце XIX века в приступе ярости зарубила своих отца и мачеху.

– Да нигде. Он просто упал мне под ноги.

– О, несравненная! Мужики падают тебе под ноги, как кегли, и укладываются штабелями. Только почему из этих штабелей ты выбрала избитого?

– Рыжий, я тебе сейчас...

– Ничего не выйдет. Если ты меня побьешь, кто тогда будет лечить твой трофей? Крупный экземпляр, тебе всегда такие нравились.

– Клоун.

– Я знаю. Просто не в твоих правилах тащить домой все, что валяется на дороге.

– Так случилось.

– Прикрой мужика одеялом, его сейчас будет знобить, а я в аптеку за лекарствами. Может, он придет в себя – тогда дашь ему попить.

Он выходит, за окном мелькнула его фигура. Я устала и хочу спать, а завтра еще на работу. Я смотрю на часы. Черт бы побрал эту осень с ее ранними сумерками – только семь часов, а мне казалось, что уже почти ночь.

– Пить...

Я осторожно поднимаю его голову. Волосы мне удалось отмыть от крови, они влажные, но уже видно, что цвет их темно-каштановый и они немного вьются.

Он пьет небольшими глотками, долго. Мне от вида его лица немного не по себе. Нет, я и раньше видела избитых людей, но чтоб **так** – только когда-то давно, и теперь всякий

раз для меня это стресс.

– Здесь кто-то был или мне показалось? – спрашивает он.

– Не бойся, все в порядке. Тут был мой друг, он врач. Сейчас он вернется, пошел в аптеку.

– Что со мной?

– Он тебе все объяснит. Ничего страшного, скоро будешь как новый. А пока лежи, тебе нельзя вставать.

– А где...

– Одежду я бросила в стирку, ей хана.

– Но я...

– Мне приходилось видеть голых мужчин. У тебя нет ничего, несвойственного человеческой анатомии, а потому не стоит так переживать.

– Вы не представляете, как я вам благодарен.

– А вот и Рыжий вернулся.

Терпеть не могу всякие там «спасибо», «извините», «люблю» и прочие сопли, пустые разговоры, не стоящие того, чтобы тратить на них свое время. Потом оказывается, что слова вообще ничего не значат. Мы с Рыжим иной раз говорим друг другу ужасные вещи и тем не менее много лет дружим. А бывает, люди клянутся в любви, а потом бьют ножом в спину. Слова ничего не стоят.

– Ага, ты пришел в себя. – Рыжий раскладывает принесенное, моет руки. – Малыш, неси сюда лампу, мне нужно больше света. – Это он мне. – У тебя есть аллергия на какие-либо препараты? – спрашивает он у избитого.

– Нет. А как вы...

– Потом спросишь. Следи за моим пальцем.

Я оставляю их развлекаться и иду в другой конец своего жилья. Огромная сорокаметровая комната когда-то была бальным залом в доме купца. Пять узких окон. Лепнина на потолке и старый потемневший паркет. Я отциклевала его, разделила комнату на несколько отсеков, и теперь у меня есть собственный санузел и ванная, а также крохотная кухонька. У меня есть спальня, хоть и небольшая, но сколько мне одной нужно? Самое главное, что мне не приходится пользоваться общими «удобствами», как это было сначала. А теперь, когда соседняя комната стала тоже моей, я сделаю себе отдельный вход с улицы и перестану заходить в вонючий коридор. Эту большую комнату я когда-то получила от государства как сирота. Был когда-то такой порядок – обеспечивать жильем интернатских сирот, и я успела воспользоваться им, как и Рыжий. Говорят, сейчас тоже есть такой порядок, но я не уверена, что он работает. Впрочем, возможно, я просто недоверчива и на самом деле все прекрасно.

Я укладываюсь на кровать, голова разболелась от усталости. Вроде бы и время выспаться есть, но... Что мне делать с парнем, которого я притащила домой? Как его зовут? Как-то глупо все вышло. Даже не спросила ничего. А может, он бандит? Теперь поздно об этом толковать, не выброшу же я его на улицу в таком состоянии.

Следовало просто оставить его там, где он был, и идти сво-

ей дорогой.

– Пойди сюда. – Рыжий заглядывает ко мне. – А с тобой что, чего скисла? Тебе плохо? Ты заболела?

– Все нормально, просто устала.

Я сползаю с кровати. Вот расплата за непомерный альтруизм.

– Нашего друга зовут Андрей. Ему нужен покой и сон, через три часа сделаешь ему укол, вот ампула. Я утром заеду, осмотрю его. Все, малыш, мне пора, завтра заступаю на сутки, надо выспаться.

– Мне на работу в девять.

– Я помню. Все успею. В крайнем случае воспользуюсь своим ключом.

У него есть ключ от моей квартиры, но по молчаливому уговору он не пользуется им, если я дома. Разве когда я больна.

– Может, останешься? – спрашиваю я.

– Тогда утром придется возвращаться домой за вещами, потом снова ехать в центр, а я ленив, ты же знаешь.

– Знаю.

– Не бойся, малыш, парень ничего тебе не сделает, он не в том состоянии.

Рыжий уходит, я слышу, как осень поглощает его шаги. Вот завелся мотор, звук отдаляется. Из-за двери слышен шелест – старая ведьма Матвеевна снова подглядывала. Было бы неплохо, если бы ее язык высох еще до утра.

Он лежит на диване, укрытый одеялом. Нечего пенять, что сделано, то сделано. Я сажусь рядом. Интересно, что из этого получится? Собственно, жизнь – штука скучная.

– Доктор ушел?

– Да. Но ты не бойся, я умею делать уколы в задницу. А он завтра снова придет. Может, тебе что-то нужно?

– Нет, спасибо. Я не спросил, как вас зовут.

– Меня зовут Лиза.

– А врача...

– Рыжего зовут Вадим, он мой друг. И хороший врач, ты вполне можешь ему доверять. Ладно, успеем поговорить, он сказал, что тебе нужен покой и сон, поэтому спи. Захочешь на толчок – позовешь. Помогу тебе подняться.

– А тут...

– Вполне надежно. Никто тебя не найдет. Город большой. Слишком большой, и я в нем – никто. Спи, красавчик.

Он закрыл глаза. Открывать их трудно, а вот закрыть – раз плюнуть, веки у него отекли ужасно. Я иду в ванную. Надо привести себя в порядок и постирать одежду.

Я перетряхиваю скомканные шмотки. Мой свитер испорчен, джинсы в пятнах, но попробую отстирать. Теперь пиджак и брюки гостя. Наверное, кучу денег стоил костюм с ярлыком Purple Label, но теперь ему кранты. Или нет? Посмотрим. В следующий раз буду умнее и не стану подбирать мусор на улице.

Я беру одежду и без всяких моральных судорог обыски-

ваю. Хочу знать, какого именно кота в мешке я приобрела. Ага, во внутреннем кармане что-то есть. Это золотая ручка с маленьким блестящим камешком, монограммой или узором на колпачке. Мелко, не рассмотреть. В других карманах ничего нет. Интересно, как ручка оказалась в его кармане? И в какую передрыгу попал этот парень? И почему ее не отобрали? Ладно, потом узнаю, а пока пусть она полежит в шкафчике.

Я включаю машинку, шумит вода, слизывая стиральный порошок. Теперь отдохну, сделаю пациенту укол и лягу спать. Вот только есть охота...

Телевизор мелькает дурацкими кадрами. Лучше уж новости, хотя хороших известий в этой стране давно нет. Ну вот. Что я говорила?

«...неизвестно. Напоминаем, что немецкий бизнесмен господин Клаус-Отто Вернер и его сын Андрей исчезли из гостиницы «Салют» три дня назад. Наши источники сообщают, что в лесополосе недалеко от Окружной дороги сегодня найдено тело Вернера-старшего. Как он попал туда, кто организовал похищение и где находится Андрей Вернер – на эти вопросы у следствия пока нет ответов».

В этой стране происходит черт знает что. Странное имя для немца – Андрей. Вот и моего найденыша так зовут – правда, он не немец.

Я режу хлеб, посыпаю его солью и сажусь пить чай. Скоро зима, и я далека от радостного настроения. Да, хороших

новостей у нас просто не бывает.

2

Больница, в которой работает Рыжий, самая большая в городе. Тут постоянно толпятся страждущие, а Вадик сидит в самом эпицентре этого дурдома – в отделении экстремальной медицины. Покоя нет ни днем ни ночью. Правда, ночью меньше персонала. Я так до сих пор и не поняла, зачем ему все это надо. Мы приехали сюда на следующую ночь.

– Давай скорее! – Рыжий немного дергается, потому что наши действия незаконны. – Отойди, я сам.

Он укладывает пациента на стол, а я обессиленно опускаюсь на стул у двери. Рыжий что-то там делает, гудит аппарат, а вот я бы с удовольствием оставила пациента здесь и ушла домой – мне его присутствие мешает, я привыкла быть одна. Но я уже не могу так поступить, иначе Рыжий сам будет возиться с ним, а это же я притащила домой проблему, и она не должна стать проблемой Вадика. Лучше бы мне кота подобрать, обожаю этих милых созданий. А мужиков я люблю намного меньше, чем котов.

– Ну, что там с ним? – спрашиваю я.

– Предварительный диагноз я подтверждаю. Все, везем его домой, пока никого черт не принес. Наслушаюсь тогда...

Мы поспешно покидаем рентгенкабинет. К счастью, за окном глубокая ночь, персонал большей частью дрыхнет, а здешние пациенты на внешние раздражители не реагируют,

бедняги.

Через минуту мы уже мчимся по темным улицам. Парень молчит, и меня это немного успокаивает. Отлежится и уйдет, и все будет по-прежнему.

– Я назад, пока никто меня не хватился.

Рыжий привычно чмокает меня в макушку и выходит из дома. Загудел мотор, туман поглотил красные огоньки, и мне вдруг стало одиноко. Я совершенно одна посреди осени. А на моем диване лежит какой-то абсолютно чужой мужик, одетый в спортивный костюм Рыжего.

– Спи. До утра еще долго.

Не знаю, слышит ли он меня. А мог бы и услышать, потому что именно из-за него мне пришлось подорваться среди ночи и переть в больницу. Хорошо, что несколько месяцев назад мы с Рыжим купили почти новую серебристую «Тойоту». Хорошо, что никто нас в больнице не видел. Хорошо, что еще не зима. Но было бы лучше, если б я вчера, наступив на горло своей совести, ушла сразу после того, как разрежала скотч на руках парня. Что за странный приступ любви к ближнему? Это все дым от сгоревших листьев. Точно, Рыжий прав, он вреден для мозга. Я шла, и у меня было почти хорошее настроение. Наверное, я отравилась этим дымом, раз сотворила такую глупость. Никто ради меня ничего подобного не сделал бы, Рыжий не в счет.

– Ты будешь спать? – голос у парня хриплый и приглушенный.

– Да. А что? Тебе что-то нужно? Может, хочешь есть? У меня есть курица, могу сварить бульон. Могу сделать омлет или сварить кашу из овсяных хлопьев. Каша получится быстрее всего.

– Да, пожалуйста.

Я иду в кухню. Это даже не кухня, а просто угол, где стоит электрическая плита с двумя конфорками. Сколько мне одной нужно? Но теперь я не одна.

– Сам съешь или покормить тебя?

– Попробую сам.

Он с большим трудом садится и начинает есть. Да, парень, твое счастье, что у меня было молоко, а не то хлебать бы тебе овсянку на воде. Хотя на воде тоже вкусно, если добавить ложку хрена.

– Спасибо.

– Чай будешь?

– Нет, спасибо.

Отлично. Если проснулся аппетит, значит, скоро оклема-ется.

– Слушай, я твои шмотки постирала, но костюму хана. Гладила-гладила, а он, похоже, сел.

– Забудь. Это мелочи.

– Может, надо кому-то сообщить, где ты находишься? Это, конечно, не мое дело, но разве тебя родственники не ищут?

– У меня никого нет.

Вон как. Значит, в нашем полку прибыло? По странному стечению обстоятельств у нас с Рыжим тоже никого нет. Но только за нас с Вадиком я уверена, а насчет тебя – нет. Кто знает, что ты за птица. Возможно, ты едешь мне по ушам и вообще получил то, что заслужил.

– Если что-то еще нужно, говори сейчас, потому что я иду спать. Завтра мне на работу.

– Нет, все хорошо. А где ты работаешь?

– У меня жуткая профессия. Я стоматолог.

– Почему жуткая профессия? Очень даже престижная.

– Большинство людей боится лечить зубы. А ты не боишься?

– Нет.

– Тогда ты – уникал.

– Вряд ли. Знаешь, Лиза, я ничего не могу объяснить, но поверь: я не бандит, просто...

– Я что, у тебя отчет потребовала? Не в моих правилах лезть в чужие дела. Захочешь – расскажешь, нет – значит нет. Спи. Тебе надо поспать.

Утро встретило меня дождем за окнами. За дверью матерится Сашка. Страшная вещь – похмелье. Я рада, что у меня железная дверь. Я поставила ее после того, как гости моего соседа выбили старую, вломившись в мою квартиру с целью ограбления – по пьяной лавочке они решили, что меня нет дома. Это была их роковая ошибка, потому что я не просто оказалась дома, но даже успела вызвать полицию... ну, то-

гда еще – милицию, давно дело было. Придурков взяли тепленькими прямо на месте преступления, а Сашка в это время спал сном праведника в объятиях зеленого змия. Утром, утопая в слезах и соплях, он просил прощения и божился, что больше никогда не приведет в квартиру посторонних, но это дела не меняло. Он, по сути, совсем не злой, просто ничтожество, но с тех пор у меня стоит железная дверь.

– Сашка, не ори, – вылезая я в коридор.

– Голова болит, пиво разлил.

– Ага. Потому что руки трясутся. Вот, на тебе еще пива.

Пей, смолы б ты горячей наглотался.

– Лизка, ты – ангел.

– Точно. Не ори, ты меня раздражаешь.

– Как скажешь.

Я спешно готовлю завтрак – не себе, а Рыжему и нашему пациенту. Рыжий после смены будет спать у меня. И в душе я этому рада.

– Сашка, есть будешь?

– Буду, если дашь.

– Так иди уже, готово. Обед в холодильнике. Не вздумай привести какого-нибудь бомжа.

– Лиз, ну чего ты? – Сашка виновато смотрит на меня. – Это дело прошлое, а сейчас я ни-ни... Вот спасибо, картошечка с селедкой, а там пивко осталось... Ты святая.

– Не городи ерунды. Ешь давай.

Сашка забирает тарелку с едой и идет в свою комнату.

Нет. Мне его не жаль.

– Хорошо ты справилась с ним, – говорит мой подопечный.

– С Сашкой? Да он нормальный, просто алкаш. И он от меня зависит.

– Как это?

– Просто. Я кормлю его и покупаю ему водку и бутылку пива с утра. Если я не буду этого делать, он знает, что с ним станет: он сдохнет на свалке или же напьется паленой водки и тоже сдохнет. Я разрешаю ему пить только дома, водку покупаю в магазине. Я также оплачиваю его квартиру. Он пьяница, но не сумасшедший. К тому же он не злой, просто ничтожество, таких много.

– Но он ведь может и без тебя жилплощадь продать... свою часть.

– Не может. Эта квартира моя давно, он в ней просто прописан. Я обо всем позаботилась. Раньше моей была только вот эта комната. В соседней жила бабка, Антоновна, Сашкина мать. Когда она заболела, мы договорились о пожизненном содержании – на словах, и она оформила дарственную на свою часть квартиры на мое имя. Вот уже второй год две соседние комнаты мои – но только по закону в одной Сашка живет, не выгонять же его на улицу. Потом продам все и перееду в приличное место.

– Он еще долго может прожить.

– Я никуда не тороплюсь. Водка дешевая, пиво тоже меня

не разорит, а ест он то, что дам, так что пускай живет сколько богом отмерено. Все, мне пора. Скоро придет Рыжий, доварит борщ. Что делать с твоим костюмом?

– Выбрось его.

– Хорошо. Так и сделаю.

Я беру пакет со шмотками и выхожу во двор. Навстречу идет Рыжий.

– Я не опоздал?

– Нет. Я там мясо готовлю, овощи нарезала, доваришь борщ.

– Хорошо, беги уже.

Меня сегодня ждут пациенты, расписание забито, как всегда. Если собрать вместе все зубы, которые мне приходилось лечить, то выйдут ведра два, никак не меньше. Иногда я просто диву даюсь, как некоторые люди не следят за своими зубами. Хорошо, что клиника платная и мне приходится иметь дело только с определенной категорией граждан, но и у них часто случаются локальные катастрофы в полости рта.

– У тебя бледный вид. Тяжелая ночь?

Это доктор Матяш – молодой, но очень наглый тип. Он почему-то убежден, что является непревзойденным красавцем и сердцеедом и все женщины падают к его ногам, как спелые сливы. Но это лишь плод его больного воображения. Ничего особенного в нем нет – просто высокий тощий тип с копной черных волос. Думаю, у него ноги и задница покрыты густой темной шерстью, а я как раз этого терпеть не могу.

– Доброе утро.

Я не завожу друзей среди коллег и на работе стараюсь свети все разговоры к необходимому минимуму. Я отлично осведомлена, что коллеги меня не любят, да только мне на это чихать. Шеф меня никогда не выгонит, потому что я – очень хороший врач.

– Как всегда – сама любезность!

Ирония типа. Видали такое? Доктор Матяш ждет, когда я сорвусь. Они все тут этого ждут, а зря.

– Наташа, приглашайте пациента, – говорю я.

В нашей приемной нет очередей, пациенты знают свое время. День начался, и теперь до двух часов я выпадаю из жизни. Это приносит мне неплохие деньги, я не идеалистка, как Рыжий, а ведь говорила ему: давай вдвоем специализироваться на стоматологии! И патологоанатомом было бы неплохо, но он, идейный, пошел в хирургию. А там денег не так чтоб очень, да и головняк тот еще. А он же еще и пациентов всех подряд берет. Ладно...

– Уже идешь?

Доктор Матяш – просто липучий кретин. Неужели незаметно, что да, я ухожу? Мы все уходим, пришла другая смена.

– До свидания.

– Подожди. Может, куда-нибудь зайдем, я угощу тебя.

– Спасибо, это лишнее.

– У тебя кто-то есть?

– До свидания, коллега.

– Лиза, подожди!

– Извини, я спешу.

– Ты всегда спешишь.

– Сейчас еще и дождь начнется, а я без зонта.

– Я хочу поговорить с тобой.

– Обратись к психоаналитику, он с удовольствием послушает о твоих проблемах.

– Лиза, пожалуйста!..

– Давай как-нибудь потом. Я тороплюсь, правда.

Я не люблю этого типа, он какой-то скользкий. У него, наверное, есть некий комплекс, и ему нейдет, если не все дамы обращают внимание на его персону. Интересно, чем думал бог, когда отбирал у некоторых мужиков мозги?

Я устроилась в эту клинику три года назад. Матяш здесь был звездой местного масштаба, особенно среди женского контингента. Но через несколько месяцев у меня появились постоянные пациенты, меня стали рекомендовать знакомым, и он обратил на мою персону свой взор – начал всячески демонстрировать свою заинтересованность. Честно говоря, случись такое летом, я бы только посмеялась. Но так уж вышло, что пробило парня аккурат среди зимы, когда я с особым наслаждением орудую щипцами и бормашиной, чтобы утолить раздражение, и уважаемый коллега отгреб так, что до сих пор помнит. Похоже, с тех пор это его как-то гложет, потому что он время от времени напяливает трагичную мас-

ку и пробует взять форт штурмом. Но смею заверить: ни атака, ни длительная осада результата не дадут.

Женский коллектив есть женский коллектив. Меня стали выживать. Сначала не записывали ко мне пациентов. Я прихожу на работу, а у меня пустое расписание. Оказалось, что медсестра из регистратуры всем говорит, что все мое время занято. Это было очень глупо.

Мне хватило одного звонка шефу, чтобы все встало на свои места. Клиника платная, мы должны приносить доход, и ничьи симпатии тут в расчет не принимаются – капитализм. Шеф под видом пациента позвонил в регистратуру и попросил записать его ко мне, в ответ услышал стандартную ложь. Не поверив своим ушам и моей жалобе, он не поленился приехать и проверить мое расписание – истина всплыла, как масло на воде. Дурочек просто уволили, а меня с тех пор оставили в покое. И только коллега Матяш никак не успокоится, маньяк.

Квартира встретила меня запахом борща. Рыжий умеет готовить и делает это с удовольствием. Я тоже умею, но без удовольствия. Рыжий многое делает с радостью, а я вот нет. Единственное, что доставляет мне радость, – это когда я летом в отпуск еду в деревню, где у нас с Вадиком есть домишко. Я там целыми днями лежу на диване и читаю детективы, запивая их кока-колой. А вокруг – никого! Такое впечатление, что я одна во всем мире. Единственное живое существо, которое я в это время терплю рядом, – это соседский кот, аб-

солютно бессовестное создание. Без всяких моральных судорог он лезет на стол и жрет все, что ему предлагаешь, даже дыни. А если ничего не предлагаешь, он не переживает, просто берет сам, что выглядит просто очаровательно! В начале моего отпуска он всегда худой и хищный, но через недельку переселяется в наше кресло на веранде, солнце играет на его округлившись боках, и я радуюсь. А я не многому радуюсь, как вы понимаете.

– Как дела? У тебя вид как будто бы получше, – спрашиваю я у «пациента».

– Я и чувствую себя лучше, – отвечает он.

– Я купила тебе джинсы. Размер у вас с Рыжим почти одинаковый... а, кстати, где он?

– Спит. Сказал, что устал адски.

– Это правда. У него там дурдом. Граждане калечатся, режутся, колются... А иной раз такой цирк случается, по несколько дней все ржут. Вот слушай, что недавно было. Привезли парочку, их заклинило, так сказать, в процессе. Тетка рыдает-разливается, мужик матерится, а разъединиться не могут. Сняли их, оказывается, с мостового крана.

– Как?

– Слушай. Они в обеденный перерыв трахались, тетка эта крановщица, а ее любовник – подкрановый. Оба в браке, но не друг с другом, как ты понимаешь. И вот одна, но пламенная страсть сразила их – и в обеденный перерыв, когда рабочие потащились в столовку, он решил, что пора ему побыть

сверху. А тут срочно нужно было перенести груз, и бригадир полез на кран в поисках крановщицы. Ну и застал их в процессе, не удержался и по матушке распатронил обоих, а даму возьми да и заклинь. Вот так-то.

– Этого быть не может!

– Рыжий проснется – сам у него спросишь, вся больница ржала, бегали смотреть на них.

– А врачебная тайна?!

– Спятил? Да кто ее соблюдает, где ты такое видел?!

Парень улыбается, потом начинает хохотать, хватаясь за ушибленный бок. Долго до него доходит.

– Ты чего?

– Ох... черт, больно смеяться, как представил себе все эту сцену... А что потом было?

– Не знаю. У таких историй, как правило, продолжения не бывает.

– Почему?

– Потому что люди утрачивают иллюзии, а любовь – самая большая иллюзия. Вот так придумают себе определенный образ, потом встречается объект, внешне подходящий для этого образа, и все, происходит химическая реакция. А когда истина становится очевидной, тут любви и конец. Потом снова находится кто-то, к кому можно приспособить образ, – и все заново. Но это в лучшем случае.

– А в худшем?

– А в худшем люди просто живут вместе, абсолютно чужие

друг другу, даже спят вместе – просто так. А иной раз и постель не повод для знакомства... по-всякому бывает, какая разница? Лично меня не устраивает ни один из вариантов.

– Ты ждешь возвышенной любви?

– Я ничего не жду. Просто живу.

– Устрица тоже живет.

– А с чего ты взял, что мы с тобой чем-то лучше устрицы? Только из-за более сложно устроенного организма? Так это по-любому не наша с тобой заслуга.

– Но чего-то тебе хочется?

– Да. Но я об этом не хочу говорить. Я жрать хочу, а ты?

– Да. Знаешь, ты слишком сложно видишь мир.

– Кто знает, как видит его устрица.

– А при чем тут устрица?

– Она тоже небось видит мир, но мы никогда не узнаем, **что именно** она видит. С людьми в этом плане проще – можно спросить. Жаль только, что мы ленивы и нелюбопытны.

– Но ведь не все?

– Не все. Вот Рыжий, например, идеалист. Правда, умеренный, иначе его невозможно было бы выносить. Нет ничего более страшного, чем фанатики, а идеалисты – тоже своеобразные фанатики.

– Я никогда не смотрел на эти вещи под таким углом...

– Лучше трескай борщ.

Он ест, осторожно двигая челюстями. Его лицо отсвечивает всеми цветами спектра, а вокруг глаз – черные круги.

Да, еще неделю ему нельзя появляться на улицах. Интересно, что же с ним произошло? Так, это не мое дело. Думаю, мне лучше ничего об этом не знать.

– Я скоро уйду, не беспокойся, – говорит он.

– Я не беспокоюсь, да и уйдешь ты не скоро, потому что от твоей вывески трамваи шарахаться будут. Как минимум неделя еще, а то и больше. Да не парься, ты мне не мешаешь. Единственное, о чем прошу, – не попадись на глаза соседям, а потому – не поднимай жалюзи.

– Хорошо.

– Иди, отдыхай.

Я мою посуду и иду в спальню. Рыжий даже не пошевелился при моем появлении. Устал, бедняга. Небось опять пьяные порезались или наркоманы передоз словили. Самое бесполезное дело – приводить в чувство наркоманов. Сизифов труд, потому что эти ребята слегка оклемаются и снова принимаются за старое. Я бы их и вовсе не лечила, и пускай там Гиппократ что хочет, то и говорит. Пусть бы подыхали под заборами, все равно от них пользы нет, еще и заразу распространяют.

– Ты куда это?

– По магазинам пробегусь. Спи, Рыжий.

– Купи мне носков пар пять.

– Куплю, если не забуду.

– И детективчик новый привези.

– Так ради этого и иду.

– Встретишь Ирку – денег ей не давай, слышишь?

– Слышу, не глухая.

– Но все равно дашь, да?

– Может, еще и не встречу.

Я переодеваюсь и ухожу. Пусть парни спят, а у меня полно дел. Собственно, об этих моих делах Рыжий не знает, а если бы узнал, то ругался бы последними словами, потому и не говорю ему. А дело такое: я нашла себе подработку. У нас полно офисов, в которых стоят огромные аквариумы и куча цветов, а вот ухаживать за ними никто особо не умеет, да и времени там ни у кого нет. А я умею, и время у меня есть, потому с удовольствием ухаживаю за рыбами и цветами, а мне за это платят, и неплохо. Так что совмещаю приятное с полезным. Мне всегда нужны деньги, только Рыжий этого не понимает.

Я быстренько покупаю для него носки и книгу и иду в первый на моем маршруте офис. Это агентство недвижимости. Охранник меня знает, иногда мы перекидываемся парой фраз о погоде, но у меня сегодня не то настроение, а потому мы с ним просто здороваемся и я иду к большому аквариуму в холле. Здесь не много работы, я проверяю приборы, фиксирую температуру и смотрю журнал – уборщица записывает время кормления. Все в порядке, ни одна из рыб не выглядит больной, растения тоже здоровы.

Второй офис – фирма «Премьер». Чем занимается эта фирма, я понятия не имею, да и не хочу, но платят здесь хо-

рошо. Работы, правда, побольше – несколько больших интерьерных аквариумов, в которых распускают хвосты золотые рыбки и телескопы. По мне, это отличный выбор, я не понимаю новой моды на хищников. Они даже не декоративные.

– Лиза, зайди в кабинет к шефу.

Секретарша в приемной старательно улыбается мне. Как и большинство женщин, она меня недолюбливает, но мне это по барабану, так что один-ноль в мою пользу.

– Сейчас?

– Если ты закончила, то сейчас.

– Через три минуты закончу.

Несколько раз я видела шефа этой фирмы – крупный, даже толстый мужик лет сорока, с небольшим брюшком, в ладно сидящем дорогом костюме, но уже лысеющий, с вечно красным лицом и всегда чем-то недовольный. Лет через десять его примет в свои объятия инсульт. А может статься, что и раньше, но это его проблемы.

– Вызывали? – спрашиваю я, заглядывая в кабинет.

– Да. Садись.

Он просматривает какие-то бумаги, потом отодвигает их и смотрит на меня. Возможно, он на всех так смотрит – как удав на кролика, только мне от его взгляда ни холодно ни жарко. Я тебя, дорогой, представляю в своем кресле с разинутым ртом, а у меня в руках клещи или бормашина, и ты целиком в моих руках, захочу – казню, захочу – помилую.

– Моя жена желает приобрести аквариум. Я бы хотел, что-

бы ты ей в этом помогла, я заплачу.

– Мне очень жаль, но я не обслуживаю частных лиц. Только офисы.

– Почему?

– Потому что у состоятельных людей случаются порой неприятности. И тогда полиция спрашивает: кто чужой бывает в доме? И хозяева вспоминают – да, была тут одна, рыбок обслуживала (мусор собирала, варила обед, выгуливала собаку – необходимое подчеркнуть). А мне неприятности не нужны.

– А что, уже бывали?

– Нет, но пробовать не хочу. Пусть ваша жена едет в магазин, там есть консультанты, которые ей все покажут, расскажут, привезут, смонтируют...

– Значит, ты отказываешься?

– А что, разве я не сказала? Конечно, отказываюсь.

– Тогда ты уволена.

– Вольному – воля. До свидания.

– Да погоди... вспылчивая какая! Сядь.

Я снова устраиваюсь в кресле. Вот мерзавец, привык вести себя с людьми как с грязью. Но я – не все, со мной так нельзя. Когда-то давно я дала себе слово, что никому не позволю обращаться с собой подобным образом.

– У тебя, наверное, есть какая-то постоянная работа.

– Или много клиентов.

– Или все вместе, понимаю. Ладно, давай так. Ты сейчас

свободна?

– У меня есть примерно час.

– Она скоро заедет, поедешь с ней только до магазина! А там посоветуешь, что лучше.

– Лучше взять каталог, выбрать дома, что нравится, а я в следующий раз приду, вы мне покажете, что выбрали, и я вас проконсультирую.

– А ты упрямая.

– Да.

– Но ты права. Черт, еще и этим надо заниматься... Ладно. Забудь мои слова об увольнении. Где ты работаешь?

– Неважно. Если это все, то я пойду.

– Это все. Деньги у секретарши.

Я иду домой. Завтра и послезавтра у меня выходные. Редко удается по-человечески отдохнуть, чаще выходные выпадают среди недели и не подряд. А теперь два дня я свободна, буду лежать в кровати, трескать чернослив в шоколаде и читать детективы. Или поеду в магазин и куплю себе новую помаду. Или схожу в парикмахерскую, или... Я много чего могу сделать завтра, потому что послезавтра я тоже свободна.

– А вот и она во всей красе! Привет, Лизка, или ты уже так возгордилась, что старых знакомых не замечаешь?

Ну, так и есть, Рыжий как в воду глядел. Ирка.

– Привет. Я тебя не заметила, темно уже, – отвечаю.

Она маячит недалеко от стоянки такси, это ее «точка». Через два десятка шагов маячит еще одна фигура, и даль-

ше... Ирка просто одна из многих – здесь, на проспекте. Но не для меня и не для Рыжего.

На ее лице красуется здоровенный фингал. Она пыталась замаскировать его толстым слоем тонального крема, но безуспешно. Что ж, такая у проститутток работа.

– Холодно сегодня. – Ирка смотрит на меня пустым взглядом. – Есть чего пожевать?

– Вот, печенья купила и конфет, будешь? И не холодно вовсе, по крайней мере не очень.

– Так то если идти, не сильно, а если стоять, то до костей пробирает. Ой, вкуснотища какая! Хорошо зарабатываешь, как я погляжу. Как там Рыжий поживает?

– Спит, со смены пришел.

– О как! Так вы вместе живете?

– Бывает, что вместе, бывает, отдельно. Ладно, пойду я.

– Слушай, Лизка, одолжи немного денег. Надо кое-что купить, а Жорка все забрал, сволочь.

– Бери.

– Я отдам, Лизка, отдам, правда!

– Не надо. Знаешь ведь, что не возьму... бросила бы ты все это, пропадешь совсем. Кто тебя так разукрасил?

– Деберц, придурок. Брали нас на сауну позавчера. Ну, сначала ничего, а потом позвонили ему на сотовый, он слушал-слушал и как зарычит: «Как это – сбежал? Откуда сбежал, из машины? А вы куда смотрели?!» Ну, и поехало... Он же псих, а злость вымещает на тех, кто рядом. Мужики сразу

смякнули и попрятались, а я не успела... вот он меня и приложил. Счастье еще, что сразу в бассейн полетела, фингал – это ерунда, а мог и убить, что ему, психу...

– Брось это, Ир.

– И куда идти? Полы мыть? Хорошо тебе говорить «брось», когда ты вон – врач и Рыжий тоже, а я...

– А когда мы тебя уговаривали – учишь, ты что отвечала? Я напомним. Цитирую дословно: «Я свою молодость не собираюсь гробить над учебниками и скелетами». Ну и что, плодотворно молодость прошла? Ты довольна?

Иркино лицо резко побледнело, на щеках проступили красные пятна. Небольшая фигурка вытянулась в струну – сейчас начнет визжать. Совсем психованная, с детства.

– А ты пришла меня учить?! Ты...

Ее тряхнуло кашлем, она прижала к губам тряпку, потом сплюнула на асфальт. Я замираю в ужасе – на тротуаре кровь.

– Ирка!

– Недолго осталось. – Ее глаза пустые и застывшие. – Знаю, сама виновата, пенять не на кого. Молодая была, дура совсем. Ну да теперь что толковать... Вот только думаю иногда: вы же с Рыжим тоже были молодые, мы росли вместе, все пополам делили, и вам, как и мне, хотелось всего и сразу, а видишь как... Вы все правильно сделали, а я нет. И вас не послушала. Только за свою дурость заплатила уже сполна, ты особенно-то не старайся.

– Ирка, у тебя же туберкулез!

– Знаю. Может, полгода мне осталось, а то и меньше. Но ты знаешь, я рада, вот честное слово – рада! Почему я тогда вас не послушала? Дура, как есть дура!

– Ты у доктора была, идиотка?

– Никто мне уже не поможет, слышишь? Да я и не хочу, вот истинную правду говорю – не хочу. Такой грязи нагладелась, в такой грязи побывала, что больше видеть никого не могу, сама себе противна. Ты, Лизка, не представляешь даже, ты святая...

Но я уже не слышу ее, потому что мне страшно. Она умрет, умрет, и тогда... Я тоже виновата в том, что с ней произошло. И я, и Рыжий – мы оба виноваты, мы знали, что Ирка слабая, нужно было заставить ее, не отпускать... Слава богу, он не забыл дома сотовый.

– Рыжий, бери машину и езжай ко мне, я около Ирки.

– Что случилось?

– Скорее.

Надо отдать ему должное – он никогда не спорит со мной. Увидел Ирку – нахмурился, но до того момента, пока я не показала ему пятно на асфальте.

– Кретинка! Немедленно в машину! Лиза, ступай домой, тебе только контакта не хватало.

– Но...

– Я сказал, иди домой. Ирка, а ты в машину, сию секунду.

– Берете девочку – платите.

Мы оглядываемся на голос. Парень молодой, прыщавый и

смуглый, акцент не оставляет сомнений в его принадлежности к «лицам кавказской национальности». Пес приبلудный.

– Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, пока можешь. – Рыжий в таком состоянии способен вытворить что угодно. – Надеюсь, ты русский язык достаточно хорошо понимаешь?

– Я тебе сейчас...

– А знает ли Деберц, что ты подсунул ему гнилой товар? – Я умею разговаривать с такими. – Или мне лично следует его поздравить?

– Что ты хочешь?

– Забудь о том, что ты видел эту женщину. Она у тебя больше не работает. И вали отсюда, пока мой приятель держит себя в руках.

Надо сказать, парню не пришлось повторять дважды.

Загудел мотор, Рыжий увез Ирку. Как она там говорила – Деберц ругался из-за того, что кто-то сбежал из машины? Ставлю сотню против одного, что речь шла о моем знакомце Андрее. Мир тесен, как корсет у толстухи. Надо же! Кстати, а кто такой этот Деберц? Впрочем, неважно.

3

Я очень рано помню себя. Первые мои воспоминания – большая спальня с рядами одинаковых кроваток, большие окна и неуютно холодный пол. Какие-то женщины в белых халатах моют полы, а около стен – стеллажи с игрушками и колючая вода в душевой. Запах кухни и хлорки в коридоре. Детский дом – вот это и есть мои первые воспоминания, и потом тоже.

Наверное, мне повезло немного больше, чем остальным – родившая меня женщина пожелала дать дочери имя и фамилию, так что по документам я – Элиза Игоревна Климовская. Если посмотреть на то, какие имена и фамилии дают другим детям из приютов, мне с этим тоже повезло невероятно. На мне не было этой печати казенности, брошенности, а имя Элиза странное, но «домашнее», такие имена дают только родители. Почему мать бросила меня? Я не знаю и по сей день, как и того, кто она такая.

Возможно, мне и в другом повезло – мне досталась светлая голова, неплохая внешность и бешеный характер, иначе я бы попала на панель, так же как Ирка, но об этом как-нибудь потом. Я знаю одно: с первой минуты моей жизни судьба баловала меня – насколько можно баловать брошенного ребенка. Сначала я попала в дом малютки, потом в другой, потом кочевала из интерната в интернат – я даже не замора-

чивалась запоминать их, потому что они все были одинаковые: серые, с запахом кухни, хлорки и клея. И одежда всегда была одинаковая – вылинявшие платица, кем-то давно изношенные, сухое от крахмала белье, исцарапанная растоптанная обувь.

А еще у меня был Медвежонок. Я уже не помню, в каком именно приюте я его присвоила, но запомнила, как он стоял среди других игрушек, оранжевый пластмассовый медвежонок с круглыми, словно удивленными глазами. Эти глаза, какие-то беззащитные, тронули меня до глубины души, и я взяла его, а когда прозвучала команда: «Поставить игрушки на места!», я даже и не подумала выполнить ее. Воспитательница силком отбивала его у меня из рук, но после того уже никто не смел брать Медвежонка, я выдирала его у врагов, не жалея кулаков. В конечном итоге Медвежонка мне все-таки отдали в полное частнособственническое владение – когда переводили в другой приют. И тогда я поняла: если долго и упорно гнуть свою линию, то все получится.

Я почти не помню тех, с кем делила спальни, столовые и игровые комнаты, как не помню и лиц женщин в белых халатах. У меня была только я сама и Медвежонок. А потом появился Рыжий. Мне тогда исполнилась семь лет, и меня снова перевели в другое место. Я по сей день не понимаю, зачем меня так часто переводили из интерната в интернат, но что теперь об этом толковать? А когда мне было семь, меня перевезли в паршивую дыру под названием Березань.

Я только пошла в первый класс, но меня все равно сорвали с насиженного места. Именно в Березани мне и повстречался Рыжий.

Березань – небольшой городок, в котором было несколько промышленных предприятий и столько же профтехучилищ, готовящих рабочих для этих предприятий. Интернат стоит в центре, недалеко от танка – конечно, как же без танка на постаменте, каждая приличная дыра должна комплектоваться танком, пушкой и самолетом. Все это – атрибуты именно города, а потому танк в Березани водружен на центральной (и единственной!) площади, пушка мирно упокоилась на набережной, а самолет оказался напротив универмага – огромный магазин, целых два этажа! В общем, все как у людей.

Меня привезли туда в октябре. На проспекте уже опадала кленовая листва, танк стыдливо прятался среди елок, интернат отсвечивал светло-зелеными свежевыкрашенными стенами. Четыре этажа, большие окна. Меня это не заинтересовало, интернат как интернат.

Какой-то мужчина ведет меня за руку, а в моей новой школьной сумке лежит все мое имущество: Медвежонок, пластмассовая голубая расческа, капроновые банты – белые и голубые, книжка «Немецкие народные сказки» с яркими картинками и коробочка с календариками и фантиками. Этот мужчина только что купил мне в магазине маленькие золотые сережки – уши мне пару месяцев назад проколола воспитательница, что подарила книжку, но те сережки были

самые простые, а теперь у меня в ушах – блестящие новые с розовыми камешками. И зеркальце он мне купил – круглое, в красивой оправе. И эту сумку, и пенал для карандашей и ручек, и пупсика с одежками и кроваткой, я давно хотела такого. И он купил мне все это – не знаю почему.

Сумку я несу сама, она нетяжелая.

Меня переодевают. Кастелянша, толстая седая женщина, выдала мне стандартный набор: вылинявшее розовое платице, шерстяная синяя кофточка, школьная форма, белье. Как всегда.

– Тощая какая... Голодная, что ли?

– Нет.

– Как тебя зовут-то?

– Элиза.

– Вон как – Элиза! Красиво, ничего не скажешь. А меня зовут Варвара Ефимовна. Идем, покажу, где твоя спальня. Да смотри, будут обижать – не давайся. Вот, на тебе конфетку, ешь. До обеда-то еще долго. Откуда тебя привезли?

– Из Тулы.

– Идем. Ишь, серьги-то у тебя какие! Батюшки, золотые никак? Береги их да смотри, чтоб не отняли.

Длинный коридор, высокая белая дверь, много дверей. За ними – спальни. Вот в этой буду теперь спать я. Двенадцать кроватей, около каждой тумбочка для вещей.

– Ваши все еще в школе, так что давай, располагайся. – Ефимовна садится на соседнюю кровать. – Господи, какая ж

ты тощая! Вас там, в Туле, голодом морили, что ли?

– Нет.

– А это твой медведь?

– Ага.

– И как его зовут?

– Медвежонок.

– Ишь ты... И куколка у тебя новая, и банты какие, а зеркальце-то! Не позволяй отнимать, смотри. Ну, я пойду, а ты привыкай. Да если обижать станут, мне скажи.

Я не знаю, что говорить. Никто никогда не интересовался мной. Хотя... вот, книжку мне учительница подарила – в той школе, куда я ходила. И банты тоже. Она была добра ко мне, не знаю почему. Уши мне проколола, вставила маленькие колечки-сережки. И этот человек, что привез меня сюда, – он кормил меня вкусными вещами, купил новые серьги, зеркальце и пупсика с одежками, сумку и пенал для школы. Чужой человек, они все чужие. Только эти двое были со мной добры, а больше никто, но это неважно, потому что у меня все равно нет главного – родителей. Я уже достаточно взрослая, чтобы понять – у меня никого нет, и я не называю мамами женщин, которых встречаю. Только иногда, на Новый год, загадываю желание, чтобы наконец нашлась та, настоящая мама, но пока...

– Ну, сиди тут, никуда не уходи. Скоро воспитательница придет.

– Ладно.

Ефимовна уходит, а я остаюсь. Комната такая же, как и в других интернатах, и запах точно такой же.

– Ты новенькая?

Мальчишка рыжий, покрасневшийся, в коричневых штанах и пиджачке. Почему-то похож на воробья.

– Ну, чего молчишь? Ты новенькая? – переспрашивает он.

– Да.

– А как тебя зовут?

– Элиза.

– У нас тут никого так не зовут.

Я это знаю и без тебя. Такого имени ни у кого нет.

– А меня зовут Вадик. Идем с нами?

– Куда?

– Просто так, гулять. Все в школе сейчас, а я сбежал, ну ее, эту школу. Так что, идем?

– Не сегодня. Может, завтра.

– Хочешь, карандаш подарю?

– Давай, если не жалко.

– На. Тут у вас есть Танька Петрова, будет тебя бить – мне скажешь, я ей так дам, что мало не покажется.

– А почему она будет меня бить?

– Она всех бьет. Эй, Стас, смотри – новенькая!

В комнату заглядывает еще один мальчишка – маленький, черноглазый, его глаза лукаво смотрят на меня.

– Я слышал, ты – Элиза. У нас на речке есть местечко, мы туда ходим хлеб на костре жарить. Возьмем ее, Рыжий?

– А то... И Кук придет. Ты еще Кука не знаешь! А если Танька будет тебя бить, скажи только, мы ей бошку отоьем сразу.

Я и сама умею давать сдачи. Я давно знаю, что надеяться надо только на себя, но это же нормально, по-другому не бывает. Так что с какой стати я буду жаловаться? Ябед не любят, да и кому есть дело до моих жалоб?

– Смотрите, новенькая!

Девочки вбегают в спальню одна за другой. В школьных формах, с портфелями в руках, с одинаковыми короткими стрижками, они кажутся похожими, но это только вначале. Они все разные, и среди них обязательно найдется та, которой я не понравлюсь. А может, и не одна. Мне немного страшно, но я знаю: ничего нельзя изменить, так должно быть.

Девочки быстро рассовывают вещи по тумбочкам, переодеваются. Я сижу на застланной кровати – в углу, за дверью. Хорошее место, странно, что никто его не занял раньше.

– А это что у тебя?

Высокая коренастая девочка исподлобья смотрит на меня маленькими темными глазами, недобрыми и колючими.

– Медвежонок.

– Дай сюда.

– Нет.

– А я сказала – дай!

Да мало ли что ты там сказала. Уже были те, кто так гово-

рил, и где они сейчас? Размахнувшись, я бью ее кулаком в ухо, потом ногой в живот. Девочка судорожно всхлипывает и падает на пол. Я резко и сильно добавляю ей ногой в грудь. Так меня учил драться один мальчишка в интернате в Туле.

– Что здесь происходит?!

Появляется женщина, молодая и красивая, в вязаном синем платье. Серые глаза, красиво уложенные волосы, она мне даже нравится, наверное.

– Ты новенькая, а уже дерешься! Побила девочку...

– А что, было бы лучше, чтобы побили меня?

Женщина наклоняется над девочкой. Та лежит на полу, не шевелится. Притворяется, наверное, не так уж много ей и досталось.

– Что она тебе сделала? За что ты ее так избила?!

– Она хотела отнять у меня Медвежонка.

– Этого уродца?! Немедленно отдай!

– Нет.

– Может, ты и меня будешь бить?

– Да.

– Какая наглость! Немедленно отдай!

Я молча бью женщину ногой в колено, она испуганно смотрит на меня и кричит тонко и пронзительно. Девочки стоят вокруг, тихие и испуганные, но глаза их горят любопытством – что же будет дальше? Спектакль, ага.

Еще одна женщина хватает меня за руку, тащит к выходу по коридору, по ступенькам вниз. Мне страшно, но я при-

жимаю к себе Медвежонка, и пусть они как хотят, но я его никому не отдам.

– Вот посиди тут и подумай.

Злобно ухмыляясь, она толкает меня в какое-то помещение, поспешно вырывает из моих ушей сережки и закрывает дверь. Она захлопывается с оглушительным грохотом – обита металлом.

Я остаюсь одна в темноте, высоко под потолком зарешеченное окошко, голые стены, в углу ведро. Я сажусь на бетонный пол, прижимая к себе Медвежонка. Его глаза смотрят грустно и сочувствующе, я целую его пластмассовую мордочку. Мне холодно, болят мочки ушей, из которых грубо выдернули мои новые сережки, и хочется есть. Почему-то вспомнился рыжий мальчишка, похожий на воробья, и тот, второй...

– Лизка, ты тут?

В окне появляется знакомое загорелое лицо. Легок на помине.

– Ага.

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Подойди, встань под окном, я тебе бутерброд передам.

– Как?

– А тут стекла нет.

Я подхожу к стене, из окна спускается бечевка, к которой привязан проволочный крюк, а на крюке – большой бутер-

брод с маслом и колбасой.

– Сними с крючка и ешь на здоровье.

– Спасибо.

– Это Ефимовна сделала, Кук попросил – она и приготовила для тебя. Ты зачем воспиталку ударила?

– Она хотела отнять у меня Медвежонка. И сережки мои забрали...

– Насидишься теперь! Там шум до небес. Ну как, вкусно?

– Ага.

– Побегу, пока никто не увидел. Я приду еще, не бойся.

– Мне холодно.

– Попрыгай немного, только на пол не садись, застынешь.

Все, Стасик свистит – несет кого-то нелегкая.

Он уходит, а я вгрызаюсь в бутерброд. Ничего, теперь не пропаду. Но если будут заставлять извиняться, не стану ни-почем. Воспитатели всегда говорили: «И проклятый же характер у этого ребенка! Молчит – хоть режь ее!» Резать меня не пробовали, но били – будь здоров.

Гремит, открываясь, дверь, в помещение заходит мужчина. Я уже знаю, почему надо бояться мужчин. Дети из интернатов рано узнают такие вещи, но этот совсем не страшный. У него темные внимательные глаза, высокий чистый лоб, белые усы и густые белые волосы, совсем белые, просто серебристые.

– Так, значит, это здесь держат преступников? – мужчина улыбается, потом берет меня за руку. – Ну что, летим на

свободу, птичка небесная?

Я прижимаю Медвежонка к себе. Если в этом есть какой-то подвох, то я всегда начеку и не отдам ничего своего.

– Со мной пойдешь или тут останешься?

– А куда идти?

– Ко мне в гости. Так что решила?

– Ладно.

Он выводит меня наружу – как я понимаю, карцер находится в подвале. Вот почему там было так холодно, а теперь тепло, пахнет чем-то терпким и необычным. Мужчина ведет меня по ступенькам наверх, к высоким дверям – в комнату, посреди которой стоит большой письменный стол, у стен – книжные шкафы, полки заполнены папками и книгами. Перед столом – кресло.

– Садись, Элиза Климовская. Вот сюда, в это кресло.

Я влезая прямо с ногами, мне здесь почему-то уютно и спокойно. Мужчина смотрит на меня теплым внимательным взглядом, и мне хочется плакать, но я не буду, ни за что.

– Вот, это, кажется, твое?

Он кладет передо мной мои сережки. Я молча вдеваю их в уши; хоть и больно, но это пройдет. Главное, что они опять у меня.

– Расскажи мне о Медвежонке.

Этого я не ожидала. Чего угодно, но не этого.

– Я не знаю, что рассказывать.

– Откуда он у тебя?

– Подарили.

Я пытаюсь как могу рассказать этому человеку, как ездила из одного интерната в другой, и какие у Медвежонка грустные и все понимающие глаза, и что мне с ним хорошо, я его люблю и не отдам... А седой мужчина смотрит на меня все тем же взглядом, от которого почему-то хочется плакать... смотрит и молчит.

– А почему ты побила девочку и воспитателя?

– Они хотели у меня его отнять.

– Ты в этом уверена?

– Да. А та, вторая, сережки забрала...

Он молчит, раздумывая о чем-то, я сижу и смотрю на него.

– А ты любишь читать, Элиза?

– Да.

– Ты, наверное, не хочешь у нас оставаться?

– Мне все равно.

– Ну ладно. Сейчас придет Ефимовна, поведет тебя в столовую, и все как-то образуется. Завтра пойдешь в школу, а там и Новый год не за горами, елка будет, подарки... ты что хочешь на Новый год?

– Куклу с такими волосами, как у принцессы, в розовом платье, и чтоб глаза закрывались, а не нарисованные были.

– Ну, это уже другой разговор, мне нравятся люди, которые знают чего хотят, – седой человек смеется. – Иди, обедай, отдыхай и постарайся никого не побить – ну хотя бы сегодня. Постарайся?

– Да.

В комнату входит Ефимовна, берет меня за руку и ведет в столовую. В коридоре мимо нас пробегает заплаканная воспитательница – она уже одета в синее пальто с большим пушистым воротником.

– Иди сюда, вот столовая. – Ефимовна гладит меня по голове. – Валя, давай еще порцию.

– Вот, прошу. – Валя, молодая и улыбчивая, заинтересованно рассматривает меня, как какого-то экзотического зверька. – Так это и есть наша сегодняшняя арестантка?

– Не болтай зря. Кушай, маленькая, кушай.

– А тощая – одни глаза!

– Мало им, что дите от голода прозрачное совсем, так они давай ее в подвал, а ведь запретил же новый директор! А она молодец, в зубы им смотреть не стала.

– Ешь, малышка, не наешься – добавки дадим. Что, уволил директор Настену?

– Уволил. И старшую тоже уволил... давно пора. Вылетели обе в один момент! И поделом. Где это видано – детей в подвал холодный да на голый пол? И серьги из ушей у ребенка вырвала разве что не с мясом! Я как увидела у нее эти серьги – так мигом к директору! Давно пора было их уволить. Дети эти и так судьбой обиженные, а они, фифы, повадились. Фашистки какие-то... Кушай, Лиза, кушай побольше. Ой, тощая какая, одни косточки...

Уже потом я узнала, что мой спаситель – это Павел Семе-

нович Рожков, заслуженный учитель республики, жизнь положивший на нас, обделенных родительской лаской детей. Уже потом я поняла, что Павел Семенович – единственный отец, который был у меня. У нас у всех – воспитанников березанского интерната. А сейчас я точно знаю, что он, Учитель, – это еще один подарок судьбы мне. И Рыжему тоже. И еще многим.

4

– Ну, как там Ирка?

– Плохо. – Рыжий раздраженно вскидывает плечи. – Сначала не хотели ее принимать, потом все-таки приняли, положили в бокс, я сегодня звонил туда. Плохи дела, легкие почти не функционируют – распад, кровохарканье. А еще организм у нее ослаблен... за столько-то лет ее занятий, да... Шансов нет, Лиза, это только вопрос времени, и его уже немного.

– Почему мы тогда не остановили ее, Вадик?

– Лиза, Ирка сделала свой выбор, понимаешь? Она была совершеннолетняя, отлично знала, что такое хорошо, а что такое плохо. И она сама выбрала – самостоятельно. Помнишь?

– Да, но...

– Мы пытались ее остановить, все время пытались.

– Но не смогли. Я понимаю, но...

– Все, Лиза. Тема закрыта. За что боролась, на то и напоролась.

– Неужели тебе ничуть не жаль ее?

– Жаль. Да, мне очень жалко ее, дуру, она же была умная, способная, у нее все получалось, ты помнишь? У меня плохо шли гуманитарные науки, тебе математика совсем не давалась, Стас... Черт подери! Кук вообще из двоек не вылезал,

а у Ирки все получалось одинаково хорошо, и мне горько, что она так поломала свою жизнь, но это был ее собственный выбор, и потому я больше на эту тему говорить не желаю. Как там Андрей?

– Спит.

– Вот и хорошо. Давай поедим, я проголодался. Разбудим Андрея?

– Я только недавно покормила его.

Я пытаюсь не называть своего подопечного по имени. Ну какое имя может быть у человека, у которого и лица-то нет? И меня раздражает его присутствие, я привыкла жить одна. Даже Рыжего я не в состоянии переносить рядом слишком долго, он об этом знает и не обижается. У каждого свои тараканы в голове, мои – склонны к одиночеству.

Мы молча едим борщ, думая каждый о своем. Нет, не так. Мы думаем об Ирке, это понятно, но теперь, когда Рыжий заупрямился, больше не будем говорить о ней. Я знаю, когда надо остановиться.

На улице слышен страшный шум – в нашем доме есть несколько квартир, в которых живут старые трухлявые ведьмы. Когда я поселилась здесь, то пыталась быть с ними вежливой – что оказалось наивно и неосторожно с моей стороны. Старые дуры моментально сели мне на голову. Матвеевна принялась каждый день «приходить в гости» – рассказывать о своей молодости, негодницах-невестках, застарелом геморрое и бог весть о чем еще. А во дворе говорила, что я

неряха и нищенка, проститутка и бродяжка.

Семеновна постоянно одалживала у меня то да се – без отдачи, а Ивановна передавала мне местные сплетни и рылась в моих вещах. Не знаю, что она хотела там найти.

Венцом творения была Антоновна – хоть о мертвых либо хорошо, либо ничего, но бабку такая шиза скосила, что туши свет, бросай гранату. Она говорила, что я собираюсь ее зарезать.

Закончилось все тем, что меня навестил местный участковый. До него дошли слухи, что в комнате поселилась женщина легкого поведения, потенциальная убийца и вообще темная личность. Наверное, мне опять повезло – участковый Симонин оказался нормальным парнем, который сразу понял, что к чему. Мы весьма мирно поговорили и уже через полчаса пили чай с печеньем, а я все никак не могла понять, как же так могло случиться, что обо мне поползли такие слухи. Особенно удивило меня обвинение в покушении на убийство. Если бы в ту минуту Антоновна попалась мне под руку, убийство я бы, наверное, совершила.

– Ну ты пойми, у них же у всех не все дома – склероз, живут одиноко, единственное развлечение – косточки соседям перемывать, а что там друг другу перемоешь, когда все поезда уже ушли давно? А тут ты – такая добыча! Понимать надо...

– Но почему она решила, что я хочу ее зарезать?!

– Говорит, что у тебя есть большой нож.

– Есть, капусту на борщ шинковать. А у тебя нету?

– Есть. Ну, не в этом дело. Бабка понемножку ходит с ума, вот и все. Слушай, зуб болит – сил нет, а за талоном бегать некогда...

– Поняла. Приходи завтра с утра ко мне в поликлинику, купи ампулу лидокаина, полечу.

– Вот хорошо! Не было бы счастья, да несчастье помогло.

С тех пор мы с Симониным друзья. Он неплохой мужик, по крайней мере ничем не напоминает наших правоохранителей, которые отличаются от простых смертных крайней степенью наглости, цинизма и жестокости. Во всяком случае, я уверена: Володька Симонин нипочем не станет избивать кого-то до смерти, трясти карманы с целью обогащения или брать взятки.

А вот соседок с тех пор я на порог не пускаю, они шипят мне вслед, как змеи, но не трогают – уверены, что Рыжий бандит и мафиози, а Симонина я подкупила, только мне на это плевать с пожарной каланчи. С чего это они так раскричались? И словарный запас у милых старушек такой, что матерые зэки будут конспектировать их с благодарностью.

– Чего это они там орут? – Рыжий собирает тарелки и складывает их в раковину. – Лиза, послушай, тебе нужно переехать отсюда, а теперь, когда вторая комната тоже твоя, можно их продать и купить однокомнатную квартиру, денег на доплату наскребем. А Сашка...

В дверь позвонили. Я вздрогнула – звонок требователь-

ный и резкий. Так звонит человек, который чувствует за собой право беспокоить кого угодно в любое время. Тот, за чьей спиной стоит **система**.

– Полиция там, что ли? – Рыжий встревоженно смотрит на меня. – Иди, Андрея разбуди.

Но он и так уже не спит. Сидит на диване, в глазах тревога.

– Иди в спальню, спрячься в шкафу и сиди тихо. – Рыжий помогает ему встать. – Сядешь на дно шкафа, за Лизиными платьями. Лиза, ступай, открой.

Я иду в пропахший перегаром коридор. Иногда я заливаю Сашкин санузел хлоркой, чтобы миазмы не просачивались ко мне, но сегодня не тот день. Что ж, служба в полиции – штука суровая.

– Гражданка Климовская?

Крупный экземпляр, еще молодой, вполне приглядный. Только глаза, холодные и прозрачные, портят впечатление.

– Да.

– Капитан Остапов. Я должен задать вам несколько вопросов.

– Я слушаю.

За спиной у капитана сбились в кучку мои соседки по дому с возбужденным блеском в гноящихся глазах. С такими лицами ходят на чужие похороны, чтобы посмотреть на покойника, или на свадьбы, чтобы поглазеть на молодоженов.

– Проходите в помещение.

Я приглашаю парня в общую кухню и закрываю дверь пе-

ред самым носом Ивановны, которая уже примерилась просочиться в коридор с надеждой обо всем узнать. Я вовремя заметила ее маневр и хлопнула дверь в сантиметре от ее крючковатого носа. Вот пусть теперь выключет себе печень, старое чокнутое чучело.

– А вы не слишком любите своих соседей.

– А вы что, своих обожаете?

– Нет, но...

– Но – что? Разрешаете им свободно передвигаться по вашей квартире, слушать ваши разговоры, лезть в ваши дела?

– Конечно, нет.

– Тогда с какого перепугу вы завели разговор о любви к соседям?

– Вы все сейчас поймете. Скажите, гражданин Коротин Александр Иванович здесь прописан?

– Да. Вон там его комната, она открыта. Это его кухня и его «удобства».

– А вы где?..

– Моя комната изначально была большого метража, я ее перестроила под отдельную квартиру, разрешение из архитектурного управления у меня есть.

– Понятно. Так, может, поговорим у вас?

– Нет. Вы хотели о чем-то спросить? Я вас слушаю. И мой слух одинаково хорош и здесь, и в моей квартире.

– Значит, вот вы как решили... что ж, – в его голосе слышится угроза. Ну еще бы! Кто-то посмел сделать не так, как

он того пожелал! – Тогда скажите, в каких отношениях вы находились с гражданином Коротиным?

– Он здесь живет, я покупаю ему выпивку и кормлю его.

– Почему?

– Потому что его мать, Коротина Елена Антоновна, оформила на меня дарственную – вот эти самые хоромы мне подарила – с тем что я обязуюсь ухаживать за ней, а потом и за Сашкой, не позволить ему окончить свои деньки на свалке.

– Значит, фактически вы имеете право выгнать его в любой момент? Договоренность была устной?

– Всецело устной, и по закону – да, могу выгнать, но не выгоню.

– Но ведь он пьяница и сосед очень неприятный, не так ли?

– Он пьяница, неряха и ничтожество, но абсолютно неагрессивный, спокойный, безобидный. Это вам старые дуры о нем чего-то наплели? Не верьте им, у них мозги никогда не водились, Сашка нормальный мужик, просто слабый, безголовый. Антоновна хорошо это знала, потому и договорилась со мной.

– Вот как?

– А что случилось? В чем вы подозреваете Сашку, что он натворил?

– Дело вот в чем... видите ли, Элиза Игоревна, вашего соседа час назад убили. Кто-то всадил в него две пули. Похоже на работу профессионала.

– Вы... что вы имеете в виду? Сашку застрелили? И теперь вы подозреваете меня в том, что я наняла какого-то киллера, чтобы убить его? Так вот к чему были все эти разговоры о нелюбви к соседям? Вы решили, что я таким образом решила избавиться от Сашки, так, капитан Остапов?!

– Да... то есть нет. Сначала мы выдвигали такую версию, не буду скрывать. Но потом я поговорил с вами и поменял свое мнение. У вас была возможность законным путем выселить Коротина из квартиры, но вы этого не сделали. Скажите, где он покупал одежду?

– Ну что он мог покупать, если не работал? Я покупала Сашке в «секонде», и мой друг Вадим отдавал ему старую обувь, куртки – размер у них практически совпадает. Совпал...

– Скажите, серый в полоску костюм вы ему купили?

– Нет, костюмы в «секонде» не попадают почти.

– А вы не знаете, где он мог раздобыть костюм?

– Понятия не имею. Я с самого утра была на работе, вернулась недавно. Сашку я этим утром не видела, он спал, наверное, я оставила ему еду и бутылку пива – здесь, на столе, и ушла.

– Соседки говорят, что Коротин вышел утром, потом вернулся с каким-то пакетом, а после снова вышел – уже в костюме.

– Ну, значит, так оно и было, но я не в курсе. Я вам уже сказала, что Сашку не видела, но утром он был дома и жив-

здоров, я слышала, как он храпит. И завтрак съел, до сих пор тарелки в мойке, видите?

– Понятно. Я могу осмотреть его комнату?

– Пожалуйста, вот его дверь, не заперта.

– Пригласите еще кого-нибудь из соседей.

– Нет необходимости. Вадим, иди сюда.

Рыжий вышел в коридор. Господи, ну кто бы мог подумать, что из тощего заморыша вырастет такой здоровенный парень! Остапов исподлобья посмотрел на него и промаршировал в Сашкину комнату.

Сашка никогда не запирает свою дверь на ключ – брать там было нечего. Комната почти пуста – неприбранная кровать с грязным бельем, шкаф с одеждой, несколько фотографий молодой Антоновны... и моя – на зеркале.

Я давно не заходила к нему и понятия не имела, что он держит у себя мою фотографию. Черт, я почти ничего о нем не знала, кроме того что он – слабак и ничтожество. А теперь уже ничего и не узнаю, с его смертью порвалась ниточка, которая связывала его мир с моим. Я никогда не узнаю, **как именно** он видел мир.

– Негусто. – Остапов открывает шкаф. – А где он держал документы?

– Кажется, в ящике стола. Паспорт и что-то еще.

– Да, нашел, спасибо. Скажите, у него бывали гости?

– Нет. Когда-то давно его компания сломала мне дверь, с тех пор Сашка гостей не приводил и выпивкой ни с кем не

делился.

– Но у него же были какие-то друзья или знакомые?

– Возможно, только мне о них ничего не известно. Сюда он никого не приглашал.

– Хорошо. Мы сообщим, когда вы сможете забрать тело. Вот мой телефон, если что-то вспомните, звоните.

– Ладно.

Он уходит, я закрываю дверь. Рыжий молча обнял меня и повел в комнату. Я знаю, о чем он думает, я думаю о том же: Сашка и Андрей почти одного роста, даже фигуры чем-то похожи, и волосы одного цвета, и случилось так, что именно Сашка вытащил из мусорного бака костюм, который я выбросила. И соседа убили, потому что он надел его.

– Ты выбросила костюм в контейнер около дома? – Рыжий неодобрительно смотрит на меня.

– Нет. На соседней улице.

– А повезло найти его именно Сашке. Вот непруха!

– Да. Что делать-то теперь? Как могло случиться, что он нашел костюм сегодня? Я выбросила его почти неделю назад!

– А ты не знаешь, как у нас мусор вывозят? Ты выбросила в четверг, на выходных никто не вывез, в понедельник тоже. Сашка часто рылся в баках – бутылки искал – вот и нашел.

– Это значит только одно: нашего приятеля усиленно ищут, причем тех, кто ищет, мы не знаем, но это не полиция. А методы этих людей весьма похожи на полицейские –

выслали ориентировку, и все. И кто угодно – проститутка, бомж – увидели Сашку в костюме и сообщили, так что нашему пациенту нельзя пока выходить, его ищут.

– Надо ему сказать. – Рыжий ерошит волосы. – Или не надо?

– Ты думаешь, он глухой? Помоги ему вылезти из шкафа. Газеты купил?

– На холодильнике лежат.

В этой стране не бывает хороших новостей. Ну вот. Тарифы на электроэнергию будут пересмотрены в ближайшее время. Вы думаете, там, наверху, спохватились и решили, что цена слишком высокая? Нет. Пересмотреть – это значит повысить. Мы к этому уже привыкли, но куда повышать дальше, я просто не знаю. Теперь дешевле будет освещать квартиру свечами.

Или вот это: сотрудники полиции участвовали в бандитской группировке. Тоже мне новость! Они и есть бандиты, только с индульгенцией и мандатом корпоративной неприкосновенности. Убивай, пытай, грабь – и ничего. Правда, если случайно убьешь кого-нибудь, то уволят с работы, и то не факт.

Или вот: Андрея Вернера, сына немецкого бизнесмена Клауса Вернера, еще не нашли. Вдова Клауса Вернера переправила тело мужа в Германию. Сотрудники полиции ведут расследование, и если у кого-то есть информация... У кого-то она таки есть, конечно! Кому понадобилось похищать

этих фрицев? А потом еще убивать? Я так понимаю, что старшего Вернера нашли где-то неподалеку от нашего города, и нет оснований думать, что младшему повезло больше. Или это сынок все и устроил? Вдова тоже вполне симпатичная, так что кто знает, что там у них произошло.

– Андрей, кушать будешь?

– Нет, спасибо. Я слышал ваш разговор. Я хочу сказать, что благодарен вам за заботу, но мне надо уходить. Приютив меня, вы рискуете.

– Никто не знает, что ты здесь. А вот как только ты выйдешь отсюда, да еще такой красавец, тут уж тебе и конец. – Слушай меня, парень, я знаю, что говорю. Так что сиди пока тихо, а там порешаем.

– Но теперь они доберутся до вас!

– Я думаю, Сашку никто ни о чем не спросил, хотя, конечно, уже знают, что убили не того. – Рыжий моет посуду и рассуждает вслух. – Тебе просто нужно переждать еще пару недель, пока все утихнет, они устанут искать или же решат, что ты выбрался из города – и оставят поиски, вот и все. Это просто бандиты, никаких хитрых ходов от них ждать не приходится.

– Ты прав, наверное, – соглашается с Рыжим Андрей.

– А потому ложись и отдыхай. Лиза, я съезжу к Ирке, ты тоже отдохни.

– Отвези ей покушать и вот еще, возьми. Я ей рубашечку купила, тапочки и халат.

– Сложи все в пакет.

Рыжий уходит. Представляю, какими взглядами провожают его мои соседки. Ну почему они такие злобные? Старость? Возможно, возрастные изменения в психике, но отчего-то мне кажется, что они такими и были. Хотя я могу ошибаться. Почему их так интересуют чужие дела? Рыжий говорит, что это оттого, что больше нет собственных. Возможно, так оно и есть.

Я надеваю резиновые перчатки и выхожу в коридор. Мне надо вымыть Сашкину половину, может, вонь прекратится. Да и комната Антоновны до сих пор стоит как есть. Теперь я могу выбросить ее вещи, Сашки больше нет. А то я все думала: как это сделать, чтоб он не обиделся?

Я закончила уже затемно, весь хлам упаковала в несколько мешков. Надо выбросить, пока темно, чтобы не видели старые дуры. Я надеваю куртку и тащу мешки во двор.

– Помочь?

Он все-таки преследует меня.

– Капитан Остапов, я из-за вас заикой стану.

– Прошу прощения. Давайте я вам помогу.

– Не откажусь.

– Что это у вас?

– А вы не видите? Мне соседки надоели, шпионят постоянно, раздражают меня. Так я тут их всех зарезала, расчленила и несу на мусорку. Черт, жилистые такие, утомили меня ужасно, одна радость – досаждать больше не будут. А тут и

вы – очень кстати, поможете мне вынести, тяжелые, заразы!

– Вы всегда так шутите?

– Кто шутит, я? Ну что вы, какие шутки – в присутствии сотрудника правоохранительных органов! Правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Ясно. – Остапов бросает мешок в контейнер. – Вы меня идиотом считаете?

– Интересный вывод, хотелось бы отследить цепочку умозаключений.

– Симонин говорил мне, что вы – гвоздь в заднице. Вижу, он не ошибся.

– В следующий раз я вырву Симонину не зуб, а язык. Хорошо, что вы мне сказали.

– Кстати, Лиза, у меня к вам просьба...

– У вас болят зубы?

– Да... то есть нет. Просто вверху справа зуб мудрости растет аккурат в щеку.

– Нужно удалять.

– А не могли бы вы как-то...

– Приходите на прием.

– А сейчас?

– Вы имеете в виду – в домашних условиях? Ржавыми плоскогубцами? Вам так не терпится умереть во цвете лет от заражения крови? Для самоубийства есть более простые способы, вам подсказать?

– Я приду на прием. Можно завтра?

– Ровно в два часа дня. Если позже, меня не застанете, придет другая смена.

– Тогда я вас провожу, уже темно.

– Не надо, вот и Рыжий подъехал. Вадик, как она?

– Плохо. Капитан, вы здесь?

– Я уже ухожу. Значит, завтра в два часа дня.

Он исчезает в темноте, а мы идем в квартиру. Она встречает нас жутким сквозняком и запахом хлорки.

– Лиза?!

– Я тут все вымыла, выбросила хлам, теперь надо проветрить.

– Ты все выбросила?!

– Ну да. А зачем мне Сашкины шмотки или одежда Антоновны? Запихнула в мешки и вынесла. Как там Ирка?

– Плохо. Колют ее, температура не падает, шансов практически нет.

– Если она умрет, я себе этого никогда не прощу.

– Лиза, не начинай эту бодягу снова. Ты говоришь глупости.

– Ты и сам знаешь, что нет.

Мы открываем железную дверь и заходим в мою квартиру. Андрей лежит на диване, отвернувшись к стене. Рыжий принимается готовить ужин, а я иду в ванную. Усталость навалилась на меня, но я рада, что сделала эту работу. Отдадут Сашкино тело – похороню, выставлю квартиру на продажу, перееду отсюда в нормальное место и буду жить дальше. А

там посмотрим.

– Ребята, ужин готов.

Я иду на зов, а Андрей лежит. Может, спит? Я тормошу его за плечо:

– Андрей, идем, Рыжий там что-то сварил.

Он не отвечает, его голова безвольно откинулась, но он жив. Из рук выпала измятая газета – на всю страницу статья о найденном в лесополосе немецком бизнесмене. Ну, это вряд ли напугало его так... А тогда что?

– Вадик!

Рыжий опрометью выскочил из кухни.

– Он без сознания! Что могло случиться?

Вдвоем мы приводим в чувство нашего пациента. Его лицо заметно побледнело – насколько вообще может побледнеть желто-зеленое лицо, тоны сердца неровные, но он жив.

– Такой обморок мог вызвать сильный стресс. – Рыжий открывает бутылочку с нашатырем. – Что могло его так напугать?

– Может, случай с Сашкой?

– Вряд ли. Эй, парень, ты как?

Андрей смотрит на нас более осознанно – значит, пришел в себя, это хорошо.

– Что с тобой, что произошло? Или у тебя что-то болит?

– Нет, все хорошо. – Он пытается улыбнуться, но у него плохо получается. – Почему-то вдруг стало так... голова закружилась...

– Последствия сотрясения мозга. – Рыжий обеспокоен. – Нужна томограмма, рентген, анализы, я сегодня дежурю, поедем в больницу. Думаю, ночью сможем это организовать.

– Нет, я уже в порядке! – говорит Андрей.

– На этом этапе не должно быть обморочных состояний, а если они есть, значит, имеется причина, и эту причину необходимо найти.

– Нет, правда все в порядке. Я просто думал о человеке, которого убили из-за того, что он надел мой костюм...

– А, вот оно что! – Рыжий ерошит волосы. – Значит, все-таки стресс. Поменьше думай о таких вещах и не читай газет, потому что так и до психушки недалеко.

А я вот думаю, что врет Андрей как сивый мерин. Потому что шокировала его статья в газете с фотографией убитого немца – отчего бы это? Думаю, сукин сын что-то знает о судьбе второго фрица, а что убили старшего – не знал, вот нервишки и сдали.

Ладно, выясним. Из опыта я знаю: правда всегда вываливается наружу, как ни прячь ее, причем иногда она вылезает в самый неподходящий момент. А потому в анамнезе лучше не иметь криминальных тайн, это чревато.

5

Я порой думаю, что где-то там, на небе, в космосе – все равно – есть Кто-то, кто развлекается, ставя людей в дурацкое положение. Этот невидимый Кто-то, конечно, любит нас, но в большинстве случаев мы все-таки мало заслуживаем его любовь, и он наострил себя воспитывать нас, посылая нам различные испытания, чаще всего дурацкие. И фантазия у него работает так, что голливудские сценаристы и писатели всех времен и народов, сбившись в кучку, нервно курят под балконом.

Сегодня мне ниспослан адский день. Представьте ситуацию: прихожу утром на работу, никого не трогаю, иду переодеваться. Открываю дверь в женскую раздевалку и застаю картину маслом, срисованную из Камасутры: мой несравненный коллега Матяш полирует торпеду о новенькую медсестру из регистратуры. Неделю всего девочка работает, а ему не терпелось пометить ее.

– Одну минутку, пожалуйста, подождите! – Это он мне кричит. Донжуан недоделанный, ему минутки хватит.

Ну, мне это по барабану, я иду в соседнюю, мужскую раздевалку, там пока пусто. Быстренько снимаю юбку и свитер – двери открываются, входит наш протезист Юра Голованов. В руках у него пакет, который он не удержал в ослабших от неожиданности руках. Шлеп! У Юры сегодня день рожде-

ния, он тортик привез, над которым его мамаша трудилась ночь напролет, уравнивавшая в своем шедевре бисквит, безе, шоколад и орехи... Пока то да се, Юра быстренько протер очки и потом целый день загадочно улыбался, завидев меня.

Но на этом мои приключения не закончились, потому что как раз сегодня моя очередь обслуживать Викторию Львовну. О, это не пациентка, а иерихонская труба. Она начинает визжать еще в машине, метров за пятьсот от дверей клиники. Муж твердой рукой ведет ее в кабинет, усаживает в кресло и говорит:

– Дорогая моя, ты должна быть сильной!

Вы думаете, он это ей говорит? Нет, он говорит это мне! Я должна быть сильной, потому что, усевшись в кресло, Виктория Львовна крепко сжимает зубы и становится похожей на жабу из мультика о Дюймовочке.

Мы с коллегами договорились, что будем по очереди обслуживать Викторию, потому что один сеанс лечения ее зубов можно приравнять к часу в тренажерном зале. И сегодня именно моя очередь. Раскрасневшаяся растрепанная медсестра в регистратуре, масляная улыбка коллеги Матяша, крошки бисквита в раздевалке, Юра Голованов, твердо убежденный, что, как честный человек, он теперь обязан на мне жениться, – и апофеоз, Виктория Львовна со сжатыми до посинения челюстями. Мне хочется треснуть ее по башке, раскрыть ее челюсти и повыдирать оттуда все паршивые гнилушки, но это неудачная идея. Виктория Львовна – жена

нашего шефа.

– А сейчас мы откроем ротик, и я просто посмотрю, что там стряслось.

Она смотрит на меня белыми от ужаса глазами, и мне становится ее жаль. Я вдруг понимаю: она боится, боится так, как некоторые люди боятся собак, закрытых пространств или змей. У тетки фобия, ей бы психотерапевт не помешал.

– А я боюсь собак, – говорю я.

Она смотрит на меня, как девственница на маньяка с бензопилой «Дружба», потом ее взгляд становится более осмысленным. Она услышала меня, и это уже прогресс.

– Правда, ужасно боюсь собак. Специально ношу в сумочке кусок хлеба, потому что стоит мне увидеть самого маленького песика, сразу хочется залезть повыше и поджать ноги, – продолжаю я.

– А хлеб зачем?

– А как же! Думаю: подойдет страшилище, я брошу кусок, пока оно его съест, я успею вскарабкаться на дерево или еще куда...

– Вот странно! А я очень люблю собак, у меня есть колли, зовут Рея, очень ласковая, знаете, просто член семьи, все ее любят. Никогда не думала, что вы можете бояться собак...

– Отчего же? Каждый чего-то боится.

– Да, вы правы... Я вот боюсь лечить зубы, и по иронии судьбы мой муж – владелец нескольких стоматологических клиник. А мне стоит только подумать о бормашине, и запах –

этот специфический запах, только в стоматологических клиниках такой – все, ноги дрожат, в глазах темно, голова кружится...

– Ага, и в животе холодно становится.

– Откуда вы знаете?!

– Я же вам говорю, что боюсь собак! У меня такие симптомы появляются при одной мысли о псине.

– Ну надо же! Кто бы мог подумать... А мне почему-то всегда казалось, что вы вообще не способны испытывать никаких чувств! Ой, простите, пожалуйста... я совсем не то хотела сказать! Но вы всегда такая отстраненная и холодная, а я жена вашего шефа, и ваши коллеги мне такое о вас рассказывали, но теперь я вижу, что лгали.

– А зачем они вам рассказывают?

– Ну, они думают, я Олегу передам... вас тут недолюбливают, знаете?

– Это еще мягко сказано.

– Наверное. Но они не знают одного: я никогда не вмешаюсь в дела Олега, а он вас очень ценит. Ой, зуб-то как болит, терпения просто нет, несколько дней уже. Я от Олега скрывала, а сегодня кофе пила, горячее попало... ну, я и не утерпела, а он меня сюда.

– Может, я посмотрю? Ну правда, я вам зеркальце дам, вы все будете видеть. Попробуем?

– Попробовать можно, но я за себя не ручаюсь.

– Я это понимаю. Главное, не укусите меня за палец.

– Нет, – она тихонько смеется, – я не кусаюсь.

Дальше все прошло почти нормально. Правда, сначала дело продвигалось медленно, мне приходилось объяснять каждое свое движение, но Виктория Львовна молча вытерпела всю процедуру, и когда я закончила, она еще шевелила плавниками и даже поблагодарила меня.

– Теперь я буду ходить только к вам, так Олегу и скажу.

А я-то думала, что худшее уже позади, ее слова меня доконали, я едва на ногах устояла.

Оказалось, это было еще не все! В два часа в дверях выросла фигура капитана Остапова. А я о нем совсем забыла.

– Мы договаривались, – напомнил он мне. – Вы не забыли?

– Забыла. Садитесь в кресло.

Возможно, Тот, Кто на небе, решил, что мне еще нужны испытания, а возможно, как раз наоборот, подсластил пилюлю. Остапов вытерпел насилие над собой, как над сотрудником полиции, и даже не пробовал пнуть меня ногой, а, наоборот, промычал сквозь вату:

– Я провожу вас домой.

Я уже согласна на все, лишь бы продвигаться в сторону дома. Мы вышли из клиники и, конечно же, натолкнулись на доктора Матяша, который выскочил невесть откуда. Я раньше и не замечала, что у него из носа торчат волоски, как заблудившиеся усы.

– Лиза, я хотел бы объясниться...

– Мне совершенно все равно, кого вы трахаете, коллега. Но вы поставили меня в дурацкое положение, расположившись в раздевалке. В следующий раз закройте в кладовой или в протезной, там по утрам никого не бывает.

– Лиза, это недоразумение.

– До свидания, коллега.

Я почти бегу по тротуару, надо не забыть хлеба купить, а еще мне сегодня нужно чистить аквариум в одной фирме... Я почти забыла, что Остапов идет рядом.

– Вы всегда так бегаєте?

– Я ужасно устала. Вы что-то хотели спросить?

– Собственно, просто пообщаться хотел. Скажите, а ваш рыжий приятель тоже врач?

– Да.

– И вы его... любите?

– Рыжего? Капитан, он – мой единственный друг, и я совершенно не хочу портить с ним отношения.

– Что вы имеете в виду?

– Если возникает то, что люди по ошибке называют любовью, то речи не может быть о дружбе. Любовь проходит, дружба может длиться всю жизнь. А я собираюсь дружить с Рыжим всю жизнь – его или свою.

– Ясно.

– А вы что, решили за мной приударить?

– Вы всегда были такой прямолинейной или это профессия так вас отшлифовала?

– Всегда. Профессия просто мне подошла. Вы хотите еще что-то сказать?

– Да. Это лишает отношения романтического флера.

– Терпеть не могу романтику.

– Почему?

– Потому что это иллюзия. А когда она проходит, реальность кажется еще более уродливой.

– Не понимаю.

– Вы просто делаете вид, что не понимаете, втягивая меня в длинную и бесплодную дискуссию, в результате которой все останутся при своем. И я начинаю задумываться – зачем вам это нужно? Есть несколько версий, и версию насчет приударить я сразу отметаю как нежизнеспособную. Не спрашивайте почему, не о том речь. Нет, капитан, вы лихорадочно ищете ответ на вопрос: не я ли наняла киллера для Сашки и своей ли смертью умерла полоумная Антоновна. И не пора ли оттащить меня в околоток и обработать по-свойски при помощи резиновой дубинки, мешочков с песком и прочих атрибутов дознания.

– У вас о полиции неверные представления.

– Да неужели? А я думаю, вполне верные. Я реально смотрю на мир, а вы? Ну, это я приблизительно могу представить. Для таких, как вы, мир поделен на своих и всех остальных. У вас есть корпоративная неприкосновенность, а с другими вы можете поступать так, как вам захочется – например, закрыть человека в камере, тем временем провести обыск в

его квартире и вынести оттуда все материальные ценности. И никто ничего не докажет. А еще вы можете, закрыв глаза, пройти мимо тех, кто убивает человека, при этом пнув ногой мешочек с жареными семечками, которые продает бабка-пенсионерка. У вас слишком много прав, и вас это испортило.

– Вы так ненавидите полицию, что я начинаю задумываться о причинах этой ненависти.

– Просто я вижу все таким, какое оно есть.

– Но при этом страшно обобщаете, вам не кажется?

– Нет. Спасибо, что проводили. Можете выплюнуть вату. Заболит зуб – приходите, поможем.

Я иду во двор, а он остается. Что ж, у меня нет никаких причин быть с ним любезной. Я ненавижу полицию, это правда.

А вот и наш бомонд – сидят на скамейке около входа в общую нору и щелкают тем, что когда-то было зубами. Ничего, дорогие, вы старые уродки, а я молодая и красивая, меня хотят мужчины, а вас хочет только контора «Ритуал».

– Когда же ты Сашку хоронить будешь? – Ивановна хищно смотрит на меня.

– Когда тело отдадут, тогда и буду. Но пока он им для чего-то нужен.

– А для чего?

– Сходите в полицию, поинтересуйтесь. Лично мне это по барабану.

– А мебель куда ты денешь?

– Выброшу.

– Всю?!

– Конечно. Это же просто рухлядь.

Я спешу в дом, потому что сейчас они начнут клянчить.

Мне не жаль хлама, но ни одной из них я не хочу оказывать любезность. Сегодня они раздражают меня гораздо больше, чем обычно, – скоро зима, черт подери!

– Как мы себя чувствуем? – спрашиваю я у Андрея.

Этот вопрос уже стал привычным. Да и я почти привыкла к своему квартиранту, а он становится похожим на человека – теперь заметно, что у него высокий чистый лоб, каштановые волосы, небольшие умные карие глаза, твердый подбородок. Он немного научился управляться по хозяйству, а потому практически не в тягость мне. Единственное неудобство состоит в том, что я больше не выхожу из ванной голышом, а надеваю халат.

– Спасибо, хорошо. Обедать будешь? – спрашивает он.

– Позже. Отдохну немного, устала. День был тяжелый.

– Понятно.

Он забирает у меня сумку с продуктами и несет на кухню, я ныряю в душ, а потом ложусь отдыхать. Через два часа я должна быть в агентстве недвижимости, потом – в фирме «Премьер». Надо, наверное, завязывать с шабашкой – ну ее к дьяволу, я устаю больше обычного... Нет, нельзя, мне нужны деньги.

– Рыжий не звонил?

– Звонил. Сегодня не придет, что-то на работе случилось.

– У него вечно что-то случается.

Время от времени в жизни Рыжего появляются женщины, которым он кажется выгодной партией. Но ни одна из них так и не смогла смириться с моим существованием в их с Рыжим идиллии, а он безжалостно расстается с ними в тот момент, когда звучат первые несмелые аккорды недовольства моим присутствием. Я так и не поняла, почему он всякий раз наступает на одни и те же грабли, выбирая баб, как под копирку нарисованных – все маленькие субтильные брюнетки, мой полнейший антипод. Такие женщины, как правило, отличаются крайней степенью истеричности, а этого Рыжий на дух не выносит. Надеюсь, хоть на этот раз у него «на работе» что-то получится. А теперь еще с Иркочкой проблема... ну, пока она жива.

– Вкусная картошка, спасибо.

– Я рад, что тебе понравилось. Это Вадим меня научил, я раньше никогда не готовил.

Какая-то искра проскакивает между нами. О, нет, это я уже проходила, продолжать не будем, ладно? Мне сценарий известен наперед: сначала взгляды, легкие касания рук – типа невзначай. А потом фантазии, от которых пожар во всем теле – вот на этапе фантазий все и надо консервировать. Китайцы считают мысленный секс абсолютно полноценным, а потому я лучше пофантазирую, ведь когда дело доходит до

реального секса, оказывается, что все совсем не так, как я себе представляла. Например, у объекта неприятный запах изо рта или от тела, могут вонять ноги, или окажется волосатая задница, или же он сразу требует экстремального секса, а чаще всего хочет все и сразу, и только в одни ворота. Что при этом чувствую я, никого не интересует, а потому я предпочитаю фантазии. Да, парень, я пофантазирую на твою тему несколько дней или недель – и выброшу тебя из головы. Так будет лучше для нас обоих, и мы сможем остаться друзьями. Знаешь, я давно научилась наступать себе на горло. Счастья мне это не прибавляет, но бережет от боли. Не смотри на меня так. Я тоже хочу тебя, но это ничего не меняет.

– Все, мне пора. Отдыхай, но смотри к окнам не подходи, не бери трубку и не открывай дверь, у Рыжего есть ключи.

– Ты мне это каждый день говоришь.

– Конечно. Чтобы ты не забыл.

– Я не забыл.

Он смотрит мне в глаза, и я чувствую тепло его ладони – он поправляет прядь моих волос. Вот это для меня и есть самое эротичное – жажда и расстояние. И уменьшать это расстояние не нужно.

– Я буду ждать тебя.

Я сегодня очень быстро справилась с подработкой, но осень есть осень, на улице уже темно. Противный туман наползает отовсюду, фонари кажутся желтыми пятнами. Я не очень люблю ночь, потому что в небе тогда видна беско-

нечность космоса, и когда я представляю ее, мне становится страшно. Мне иногда снится сон, словно меня уносит куда-то в пустоту, а вокруг огромные планеты. Как мне становится страшно и холодно, кто бы знал!

– Лиза, какая встреча!

Голос знакомый, но я не хочу его слышать. Это еще один призрак из прошлого, о котором мы с Рыжим не говорим. Что-то эти призраки стали мне слишком часто попадаться в последнее время.

Но нахал страшно настырный. Да и кому это, собственно, знать, как не мне! Стоит улыбается, сволочь и продажная шкура. Ненавижу его. Иуда.

– Ну, Лиза, ты до сих пор упрямая? Хотя – о чем я спрашиваю, ты не изменилась. И все такая же красавица. Подожди минутку, прошу тебя.

– Ну?

Он изменился. Впрочем, как и все мы. Когда-то он был просто тощим черноглазым волчонком, одним из большой стаи, причем не самым злобным. Когда-то у него не было такой одежды, он не носил украшений и не умел себя вести. Жизнь все-таки здорово шлифанула его, а волчонок в нем вырос в большого волка. Но глаза остались те же – черные, настороженные и жесткие. Вот только сейчас его смазливая рожа расплылась в улыбке, словно он клад отыскал. И зубы у него, гада, не болят никогда!

– Лиза-Элиза, пощади меня, подари хоть один ласковый

взгляд! Какая ты красивая, Лизок, я думал, с годами станешь хуже, а ты так прекрасна, что у меня дух захватывает. Я знаю, почему джентльмены предпочитают блондинок.

– Чего тебе надо?

– Вопрос по существу, – его глаза уже не смеются. – Кое-кто хочет поговорить с тобой.

– Кто этот «кое-кто» и чего ему надо? Я не имею отношения к бандитам и не хочу иметь, а уж тем более говорить – ни с тобой, ни с твоими приятелями. Ясно?

– А ты все так же добра. Не простишь меня никогда?

– Пока. Не скажу, что рада была повидаться.

– Подожди.

Его рука поймала мою ладонь. Я вздрагиваю. Я уже похоронила **это**, давно похоронила, но его прикосновение так знакомо. И его шальные глаза – слишком близко, интересно, скольких женщин он целовал – после меня? Сколько их у него было, с кем он трахался и плел то, что когда-то – мне, а я верила? Наверное, много было кретинок, которые купились на его пылкий взгляд... как я когда-то. Но я была тогда слишком молода и имела кучу иллюзий. Теперь у меня их нет.

– Подожди, пожалуйста.

Это что-то новое. Манеры появились? Только не забывай, парень, что на меня это не действует – я знаю тебя, как никто другой.

– Я спешу.

– Нет, послушай... дело очень серьезное. У меня есть... ну, скажем так, деловой партнер. И возникла одна проблема. Ему нужно поговорить с тобой – просто поговорить, это не отнимет много времени, и я гарантирую, что тебе ничто не угрожает. Я бы не подставил тебя, никогда. Он обещал что... да, собственно, я же тоже там буду.

– Суть дела?

– Ирка.

– А твой партнер – Деберц?

– Да. Черт, ты умная и злая, как змея. Я уже и забыл, какой ты можешь быть, поедем, прошу тебя.

– А если я не поеду?

– Ну, чего ты?..

Конечно же, я знаю, что будет. Мы оба знаем. Меня за-толкают в машину без лишних церемоний и все равно отве-зут туда, куда собирались. Он просто дает мне возможность сохранить достоинство. Он тоже хорошо знает меня, и этого не надо забывать.

– Я устала и через час должна быть дома.

– Как скажешь.

Я сажусь в салон темного «БМВ», и машина мягко тро-гается с места. Он сидит рядом, я чувствую запах дорогого одеколona. Он так и не начал курить, не иначе здоровье бе-режет.

– Лиза...

– Стас, я не хочу с тобой разговаривать ни на какие темы.

– Черт, ты всегда была упряма!

– Вот и молчи.

– Послушай, ну прошу тебя, да послушай же! Я много думал о нас с тобой. Да, я сделал глупость, признаю. Я был тогда совсем молодым, я...

– Я знаю. Ты думал, что у тебя впереди вся жизнь и ты встретишь кого-то получше меня, да? И потому ты втоптал меня в грязь и пошел дальше. Ты об этом думал?

– Лиза, я... ну да, признаю. Но столько лет прошло, а я так и не встретил никого...

– И теперь ты решил, что самое время вернуться и вытащить меня из болота? Мог бы не напрягаться, я выбралась сама. Ну, не совсем сама, Рыжий помог – а теперь...

– Но мы же можем начать все сначала!

– Зачем?

– Потому что я люблю тебя. До сих пор люблю и никогда не переставал любить.

– Знакомая песня, ага.

– Но это правда. Единственная правда, которая у меня есть.

– Это ты так говоришь.

– Лиза!

Я молча отворачиваюсь к окну. Меня больше не волнует его присутствие. Он мне безразличен. Вот в эту самую минуту я наконец поняла: он безразличен мне, мы существуем в параллельных мирах и я ничего не хочу менять в данном

раскладе.

6

Когда-то давно судьба свела нас под одной крышей – интернат в паршивом городишке Березань. И Павел Семенович, который заведовал интернатом и всем нам заменил отца, мы называли его – Старик. Все это было давно – и вот снова догнало меня, хватая за подол...

– Лизка, скорее, долго ты будешь копать?!! – Рыжий даже подпрыгивает от нетерпения.

– Сейчас. Вот только соберу портфель на завтра. Чего ты дергаешься, успеем.

– Мы всегда опаздываем.

– Ну и что?

Некуда спешить, да и не люблю я эти танцевальные занятия, глупость затеял Старик. Ну зачем нам учиться танцевать такие старомодные танцы, как вальс или танго? К тому же всем поголовно? Ведь сейчас их уже не танцуют.

Но у Старика по этому поводу свои соображения: «То, что вы умеете, вам за плечами не носить». И приходится каждый день тащиться в танцкласс, а я не люблю чему-то обучаться прилюдно. Вот Ирка – у нее все получается с первой минуты, а мне надо час отрабатывать каждое движение, и у меня все равно не получится так, как у нее – легко и естественно. Это потому, что я слишком высокая. Хорошо, что Рыжий тоже сильно вырос, и у меня есть пара, но выгладим мы, наверное,

смешно. Так что если мы и вовсе не попадем на эти дурацкие занятия, то я горевать не стану.

– Давай лучше сбежим за территорию и пойдем на речку.

– А Старик потом что скажет?

– Черт! Ладно, идем...

– Не понимаю, чем тебе не нравятся танцы, а по мне, так нормально.

Может, и мне было бы нормально, если б не Стас. Из мелкого неприметного пацана он прошлым летом вырос в высокого гибкого парня, уже и усы пробиваются, черный чуб волнами падает на лоб, а глаза... И я должна прямо у него на глазах двигаться, как корова на льду! А оттого, что он где-то рядом, руки и ноги у меня становятся ватными. Может, кто-то и попробовал бы строить насмешки, но Ирка совсем психованная – способна и глаза выцарапать, были случаи... Неважно, что она на два года младше, но боевая, настырная и упрямая. Всегда мне хотелось иметь такую сестренку.

– О, наша прима-балерина все-таки пришла!

Танька Петрова, тварь, ненавижу! Когда-то давно, только появившись в интернате, я хорошенько отбила ей печенки, но она, похоже, забыла урок. Выросла Танька толстой, коротконогой, на удивление злобной и неряшливой до ужаса.

– Ну кто бы говорил! Сопли утри, вша недоделанная! – говорю я.

– Что ты сказала?

– Так ты еще и глухая? Или уши грязью заросли? Попроси

у Ефимовны мыла и вымойся как следует, несет от тебя, как от скотобойни.

Я и не думала, что она такая обидчивая: лицо ее запылало, потом враз побледнело, глаза сузились.

– Девочки, успокойтесь! Это некрасиво!

Милая учительница танцев Любовь Юрьевна, грациозная статуэтка, что она может сделать? Тем более что Танька, похоже, слетела с нарезки, ведь я специально раздрадила ее – больше танцевать я не хочу, а после драки меня точно вышибут из группы. Танькин кулак промахнулся – я отклонилась, а тем временем ударила ее ногой в колено, потом в живот. Так учил ребят тренер, а Рыжий потом научил меня. Это как раз у меня получалось.

Танька еще не поняла, что произошло, а я уже достала ногой ее дубовую голову. Закатив глаза, она рухнула на пол. Теперь никто не станет заставлять меня танцевать.

– Лизка, ты спятила, что ли?!

Верный Рыжий перехватил мою руку.

– Сейчас придет Старик, что ты ему скажешь?

– Она первая начала...

Знакомый кабинет, уютное кресло. Только оно стало не такое просторное, потому что я выросла. Между бровями Старика появилась знакомая морщина – он расстроен.

– Ну что мне тебе говорить? Учишься ты хорошо.

– Да.

– В коллективе авторитет имеешь...

– Да.

– Растешь красивой, нравишься мальчишкам.

– Не думаю.

– Но все проблемы решаешь кулаками.

– Она первая начала.

– Тебе так нравится Стасик?

Он всех нас видит насквозь. Не знаю, как у него это получается. Может, потому, что он любит всех ребят и у него за нас болит душа? И что я ему скажу? Я никогда не лгала ему, потому что он подарил мне Дом.

– Нравится...

– Лиза, я не буду тебя заставлять. Не хочешь танцевать – не надо, могла бы мне сказать, понимаешь?

– У меня ничего не выходит, а все смотрят...

И Стас смотрит, пойми же!

– Ладно. Иди.

Я вижу, что он сердится, но он простит, я уверена. Вот только – что же теперь будет?

– Лизка, ну как ты ее! Как Чак Норрис! – Стас и Рыжий ждут меня в коридоре. – Старик сердится?

– Ага...

– Да хрен с ними, с танцами этими. Давай на реку!

Там есть шалаш, мы там жжем костры и печем на прутиках хлеб, а если повезет раздобыть картошки, то и вовсе праздник получается! Картошка в золе – райская пища!

Ирка любит петь, а я – просто посидеть вместе, потому

что дома мы все в разных спальнях, а в общей гостиной не посидишь, думая о чем угодно и ощущая нашу общность. Не хватает только Кука, он то приходит, то снова идет бродяжничать. Старик разговаривает с ним о жизни, но Кук ничего с собой не может поделаться – его тянет путешествовать. Он скучает на одном месте, и мы его понимаем. Старик, наверное, тоже понимает, потому что всякий раз принимает его обратно.

– Привет, улитки!

– О, Кук! Вернулся! Ты откуда? – Рыжий подвигается, и приятель садится рядом, обдав всех запахом табака.

– Издалека. Есть что пожевать?

Мы угощаем его печеным хлебом и сидро «Буратино». Кук старше нас, ему уже шестнадцать. У него круглое лицо, круглые голубые глаза, приветливые и немного хитроватые, крупный рот и курносый нос. Есть в нем что-то, что вызывает симпатию. А еще он умный, хватается все на лету, вот только его отвращение к пенатам сводит на нет все усилия учителей сделать из него образованного человека. Кук, собственно, и не стремится ни к какому образованию. Единственная книжка, которую он читал и которая оставила неизгладимое впечатление в его душе, – это засаленный томик без обложки и начала, повествующий о путешествиях какого-то капитана Кука. Отсюда и кличка, намертво прилепившаяся к нему давным-давно.

– Мир такой большой, улитки! Некогда сохнуть в школе,

не всем же быть учеными.

Мы слушаем его рассказы о том, где он побывал и что повидал. В этом году у Кука новые впечатления – девушки. Он пытается рассказать нам, гордясь собой, какой он молодец, а мне становится противно. Это совсем не похоже на нашего Кука, и потому я встаю, чтобы уйти. Хочется им гадости слушать – их дело, а я не стану. Это Танька любит о таком, может, и сама уже пробовала, а я не хочу.

– Лизка, ты что? – Кук хватает меня за руку. – Ну что ты?! Если ты такая неженка и недотрога, то я не буду.

Его рука, словно невзначай, обнимает меня. Собственно, нам и раньше приходилось обниматься – купаясь в речке, играя в мяч или в реке, когда очень весело шутя топить друг друга, но сегодня прикосновение Кука – совсем другое, я чувствую.

– Руки убери, дурак.

Он смотрит на меня с невинной удивленной улыбкой, но я вижу: она наигранная. И он знает, что я это понимаю.

– Да ладно, ладно! Какая ты строгая! Не переживай, на меня найдутся ценительницы.

– Вот пойдешь и поищи их в другом месте.

Я иду в интернат. Черт бы его побрал, все испортил! Неужели и Стас, и Рыжий через каких-то два-три года станут такими? Мне становится грустно. Я не хочу потерять их, как сегодня потеряла Кука. И вообще... что будет с нами, когда мы выйдем отсюда? Большинство наших пополняют

ряды учащихся местных ПТУ, потом – работают на здешних предприятиях. Это если не попадают в тюрьму, но таких благодаря Старику, совсем немного. Просто иной раз бывает не человек, а дрянь, его хоть воспитывай, хоть черта ему дай – все равно дрянью останется. Так что я не о них, а о тех, кто уже «осел». Сейчас я точно знаю, что не хочу себе такой судьбы.

Старик требует от нас хорошей учебы, хотя ни мне, ни Рыжему, ни Ирке не надо об этом напоминать, в читальном зале нашей библиотеки мы давно свои люди. Но что будет с нами, когда придется уйти отсюда? Я не знаю. Мне некуда идти.

Мы все ходим в обычную школу и от основной массы учеников отличаемся только тем, что одеты хуже, хотя Старик прилагает все усилия, чтобы у нас не выработались комплексы. Но «домашние» дети после школы пойдут учиться, о них позаботятся родители, а мы? Кто позаботится о нас? Я немедленно должна поговорить со Стариком.

– Я рад, что дождался от тебя этого вопроса. Именно от тебя.

Старик смотрит на меня так, как тогда, когда он вывел меня из карцера. Я была последней узницей в интернате – после этого он стал для меня Домом. Старик тогда только неделю как принял заведование, но я об этом еще не знала. А вот то, как он смотрел на меня – внимательно и тепло, – запомнила. И как щипало глаза от непролитых слез, когда он

так смотрел на меня...

– Почему?

– Потому что ты особенная. Я всех вас стараюсь любить одинаково, но все вы разные. И даже знаю, у кого какая будет судьба – приблизительно, конечно. А ты – особенная, и если будешь добиваться своего, твоя жизнь будет счастливой.

– Как это?

– Ты задала мне интересный вопрос: что будет с тобой после окончания школы? А я хочу задать вопрос тебе: а чего бы ты сама для себя хотела?

– Ну, я не знаю... Наверное, я бы хотела поступить в институт.

– В какой?

– В медицинский.

– Вот как! Именно в медицинский! И за чем же дело стало?

– Но...

– Знаю, что ты хочешь сказать: ни жилья, ни поддержки, да? Тогда давай с тобой договоримся вот о чем. Мы сейчас составим с тобой программу-максимум – что именно нужно тебе сделать, чтобы с первого раза поступить в институт. А все, что зависит от меня, я сделаю. Но тебе надо будет работать день и ночь, начиная с сегодняшнего дня. И тогда я гарантирую – ты поступишь и выучишься. Ну как, согласна?

– Да. Кук вернулся.

– Вот как. Хорошо. А теперь слушай, что я тебе скажу...

Мы проговорили несколько часов. На столе Старика разрывался телефон, несколько раз в кабинет заглядывали воспитатели, но он отложил все свои дела. Теперь я знаю, что он сделал для меня больше, чем делают некоторые родители для своих детей. На следующий год мне исполнилось четырнадцать, и нас с Рыжим приняли на работу в местную больницу – санитарями. Почти три года было впереди. Программа, составленная Стариком, понравилась и Рыжему, и Ирке, а Стас присоединился к нам за компанию. Но Ирка была младше. Может, поэтому мы ее потеряли потом? Не знаю.

– ...Аттестат зрелости и золотая медаль вручаются Климовской Элизе!

Торжественно грянул оркестр, потом аплодисменты и восхищенный взгляд Стаса – на мне белое шелковое платье с двойной юбкой, сшитое в нашей мастерской, и новенькие блестящие белые туфли. Мы все прекрасно одеты, Старик опустошил все запасы, чтобы мы чувствовали себя счастливыми на нашем первом в жизни балу. А на мне еще и шикарные украшения: кто-то прислал для меня золотые серьги с янтарем, цепочку с такой же подвеской и кольцо – комплект. Старик отдал все это мне, качая головой, – он тоже не знает, от кого пришел подарок. Или знает, но не говорит, хоть мне и любопытно. А еще я надеюсь, что это – подарок от кого-то родного. Но от кого? Я не знаю. Украшения прекрасны, я чувствую себя принцессой.

– Аттестат зрелости и золотая медаль вручаются Якову

Вадиму!

Рыжий встряхивает блестящими кудрями цвета темного пива. За ним бегают все девчонки, а как они мне завидуют, ведь я всегда рядом с ним! Глупые, не понимают, что он – мой лучший друг. Что ж, я совсем без мозгов – крутить любовь с лучшим другом? Вот Стас – другое дело. Правда, медали он не получил, но аттестат у него приличный. Мы вместе поедem поступать в институт. Стас поступит или нет, он и в техникум готов, но мы все равно будем вместе, а это главное. А через пару лет Ирка приедет, ей уже будет легче, мы же рядом. Хороший план.

Вот звучит школьный вальс – анахронизм, ну кто сейчас танцует вальс? Только тот, кто умеет. Не зря Старик заставлял нас заниматься в танцзале. Наши кружат в танце, а «домашние» только плятятся. И почему я не захотела учиться?

– Потанцуем?

Это Стас. Издевается он, что ли? Знает же, что все эти танцы не для меня. Но рука привычно ложится на его плечо. Я не знала, что умею танцевать так, словно крылья выросли, а горячие глаза Стаса заменяют мне весь мир.

– Ты такая красивая, Лиза-Элиза!

А вальс такой короткий... Только ночь долгая. И поцелуй Стаса. До сих пор мне казалось, что это не для меня. Но теперь мы взрослые, все изменилось. А через несколько дней мы уедem.

– Мы всегда будем вместе?

– Ну конечно же! У нас есть план, правда? – Стас счастливо смеется. – Я так люблю тебя, Лиза-Элиза! Ты самая лучшая!

А назавтра убили Кука. Он только месяц как вернулся из армии и куда? Домой, куда же ему было возвращаться... Старик похлопотал, и его приняли на работу на фабрику, но Кук там отчаянно скучал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.